

ВО ИМА ТВОЁ...

*Историко-
этнографический
роман
Журнальный вариант*

Андрей ФАРУТИН

г. Петрозаводск

Посвящается дочери Алесе

*Протяну я Любви ладони пустые,
покаянный услышу я голос её:*

*— Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздала во имя твоё...*

Булат Окуджава

Книга первая
СЕВЕРНЫЕ ЗАВЕТЫ

Пролог

Захороводившая к Васильевскому вечеру рождественская метель плотно залепила снегом хлипкие ставни на узких окошках, сложенных из довольно крупных кусков слюды-мусковита. Добывали их в районе к западу от Беломорья и ласково прозывали «кабанчиками». Изнутри избы на их блестяще-тёмной слюдяной поверхности весёлыми малиновыми искорками играло отражение пламени длинной лучины, под небольшим уклоном воткнутой в пристроенный на углу широкого стола поставец. Возле него подслеповатая старушка ловко скручивала нить из взлохмаченного клокa льняной кудели, который шапкой свисал с навершия деревянной прялки, украшенной по лопастке и всей шейке резным узором с простой обереговой росписью. Пряха время от времени меняла догоравшие лучины на новые, загодя приготовленные на столешнице.

На приставленных возле натопленной печи полатах шаловливо устраивались ко сну внучка Василисы Артемьевны Дарьюшка и внучок Тёмка, с упрямством перетягивавшие друг у друга края лоскутного одеяла, ширины которого с лихвой бы хватило, чтобы укрыть ещё пару таких же пострелов.

— А ну цыть, егозята! Ежели вы не утишитесь, я ноне старинки сказывать не учну.

Ишь как вредну привычку взяли промеж собой цапаться! Пока батюшка ваш жив был, этакого сраму не случалось... Ужо нажалуюсь на вас деду Егору, когда ён с Даниловской пустыньки вертается. От уж ён задаст вицей по мягкому месту, коли маменька Настасья никак вас наказать не удосужится, — незлобиво ворчала привычная к детским проказам бабушка, выискивая доводы, чтобы хоть немного пристрожить разыгравшихся ребятишек. Минувшей весной остались они сиротками после смерти на Водлозере их отца Никиты, утонувшего во время рыбалки.

Тот глухой Водлозерский сузёмок затерялся в бескрайней дремучей тайге к востоку от Онежского озера. Как почти весь Русский Север, к концу XVII столетия он оставался приютом свободных от крепостной зависимости насельников — исстари живших в пределах Обонежской пятины бывшей Новгородской республики землепашцев, рыбаков и полесников, а также позже сбежавших от ярма боярской неволи скрытников да скитников, в том числе участников разгромленного разинского восстания. Здешние жители по примеру святых с недалних Соловков, которые осмелились воспротивиться расколовшим страну церковным реформам патриарха Никона, преимущественно исповедовали попавшую в опалу древлеправославную дедовскую веру, а посему подвергались жестоким гонениям властей, но нисколько не утратили внутренней духовной крепости в свойственном тем местам общинном единении.

Большаком одной из крестьянских общин, сложившихся в Водлозере вокруг островной деревушки Коскосалмы, старожилы не первый год избирали знатного полесника Егора Фомича Дмитрова. Соседи уважали его не только за хозяйственную сметку, но и за ум, широкие познания, почерпнутые им из старопечатных церковных книг. На Рождественскую неделю он уехал с гостинцами в основанную на реке Выг Даниловскую обитель, уже становившуюся тогда крупнейшим центром беспоповского Поморского согласия и распространившую своё влияние на иные водлозерские поселения. А его сноха Настасья, вдовица утонувшего сына Никиты, загостилась на праздниках у родичей в другом местном староверском центре — селе Куганаволок, расположенном на южном побережье озера...

— Бабушка, помнишь, ты сказывала нам старинку про Ваську Буслая? Расскажи ещё про его похождения, — опасаясь обещанного отказа начитывать полюбившиеся народные песни, попросила скоро утомившаяся Дарья.

— С чего вдруг у тебя к этакому негоднику да шалопуту интерес проснулся? — подивилась сказительница.

— Просто мне его нынче один мальчишка с Ангилоры напомнил... Мы туда утречком ходили с нашими ребятами с горки на салазках кататься... А ентот Колька Онуфриев приставать к нам зачал. Всё норовил непременно следом за мной пристроиться на ледяном спуске да в суতোлке потолкаться и пощипаться... Наши-то парни защитить меня пытались от его приставаний, поссорились с ним. А ён сразу в драку полез да всем им таких тумачков надавал, что мы оттуда скорёхонько сбежали...

— И впрямь неужённая буслаевская порода в ём проглядывает, — покачала головой бабушка. — Но тебе-то, Дашутка, небось, совсем несараско от его приставаний было. Скорее приятно, что на тебя этакий сорванец ослепившее внимание обратил. Признайся честно.

— Ну, вот ещё, можно подумать, что ён нахальством да силушкой своей меня сблазнит, — смущённо хмыкнула под нос пятнадцатилетняя девчушка, вошедшая как раз в тот возраст, когда любые знаки внимания со стороны сверстников действительно ловились с чутким оценочным ожиданием.

— Тады и ни к чему лишний раз вспоминать про всяких беспокойных неслухов. Того же Василия Буслаева народ за силу его славную, конечно, уважает. Но за его гордыню безмерную и глупость несусветную ясно осуждает в старинах своих. Сей богатырь всему новгородскому обчеству себя противопоставил, многих достойных горожан сдуру побил. Вместо того, чтоб защищать своих соотичей от беды грозной и ворога лютого. Не тот ён человек, на коего молодым пристало равняться...

— С виду, конечно, новгородский гость Садко поразумнее Буслая будет, — согласилась сперва Дашутка и добавила: — Но силёнками с ним ничуть не сравнится, зато по характеру строптив нисколько не меньше. Ён ведь тоже всему купеческому Новгороду дерзкий вызов бросил.

— Верно, — кивнула Василиса Артемьевна, — но Садко же не ради похвалы али токмо спасения собственной жизни невзгоды одолевал, а и для прибытка ближним. Да мало ли ещё достойных богатырей на Руси! И у всех судьбы да характеры розные. Далеко не каждый вослед за ними может пример праведной жизни подать.

— Слыхали мы ужо, бабушка, что самые лучшие из них Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович... Но ёни же совсем геройские, какие-то больше сказочные, что ли, не такие настоящие, как живущие кругом люди...

— А мне дак Дюк Степанович и Чурила Плёнкович тоже нравятся... Тем, что сами по себе живут, по своему хотению, как им на ум взбредёт... — вставил вдруг спорное мнение неразумный девятилетний Артём.

— Видать, я допреж не всё о них порассказала. Хотя бы про то, что ум-то у них недолог, зато панского гонора в избытке. От уж кто точнёнхонько не годится в настоящие герои. Оба ёни бессовестные хвастуны да пустообрёхи, токмо богатством кичиться горазды и личные похоти тешить.

— Но кого ж ты ещё, бабушка, к добрым героям прибавишь? — спросил Тёмка.

— Да хоть тех же простолюдинов — могучего пахаря Микулу Селяниновича и умелого ремесленника Никиту Кожемяку. Ёни всегда идут на подвиги безо всякой корысти... Из других мудрого князюшку Вольгу Всеславьевича тоже можно смело называть... Ён мне своим вельми полезительным чародейством нашего деда-ведуна Пешу Корелянина из Подгорья напоминает... А про самого первого богатыря земли Русской Святогора вы разве запомнили? Пусть ён остался в памятях людских одиноким сказочным великаном, но ведь и иное о ём народ с уважением да жалостью рассказывает. Сами подумайте, как тяжко жилось этакому большатке на матушке сырой земле, с трудом его вес выносившей. Ён же токмо по крепким Святым горкам мог без опаски хаживать, а в мягкой земелюшке опосля, как в омуте, утоп. Кстати, бают, что тот Святогор неприкаянный в стародавние времена по совету Микулы Селяниновича в наши северные края заглядывал к знатному кузнецу-чародею...

— К вековечному Ильмолайнену, что ли? — удивилась Дарьюшка.

— Може, к карелу Ильмолайнену, а може, к спускавшемуся сюда с горних высей самому пророку Илии, кователю молний и повелителю громов... — предположила Василиса Артемьевна, меняя догорающую лучину на новую.

— В той древности далёкой не разбери-пойми. — А зачем Святогор на север ходил? Чего проведать хотел? Какое напутствие получил? — привязка знакомого сюжета к близким местам сразу усилила интерес юных слушателей к словам опытной рассказчицы.

Умела она хитрыми уловками добиться их внимания к старинам, которые знала во множестве. Не раз бывало, что она легко подбирала любопытные примеры к каким-нибудь житейским случаям, или своей фантазией освежала прежние сказы новыми поворотами и подробностями, или же запросто переносила место действия сказочных героев в родные края. Да к тому ж настолько переиначивала былинные тексты, что порой их можно было спутать с не менее древними карело-финскими рунами. Их заносили сюда соседи-чухонцы, которые наряду с русскими каликами переходили нередко странствовали по окрестным лесам со своими эпическими сказаниями.

Вот и песню об исполнении данного Святогору пророчества Василиса напела на свой лад:

— *О судьбинушке Святогор да хотел прознать...
И узнал от своо прорицателя,
Колдуна-ведуна и кователя,
Весть желанную, долгожданную,
О женитьбе скорой во чужих краях,
В дальнем царствии, во Поморском том.
Там невеста его тридцать лет ждала,
На гноище больна дожидалася.
Богатырь нашёл неживу её,
Под корнями корою покрытую.
Ён ударил ей в грудь кладенцом-мечом
И пять сотен рублёв положил для ней.
И уехал к себе, опечалившись,
Опечалившись да пригорюнившись.
Токмо Плёнку ту пробудил удар,
Боли вылечил, с плена выволил...
От сосновой коры отряхнувшись,
Возродилася раскрасавица,*

*Красна девица да во всём соку.
И молва о ней по земле пошла —
Перекатами да перелесками.
Святогорушка возвратился к ней
И женитьбу справил, как пророчилось.
А потом токмо шрам на груди узрел
И узнал следок кладенца-меча,
Своей сабельки да тяжёленькой.
Тады понял ён, что судьбу нашёл,
Что судьба никак не минуется.
Как написано на роду кому,
Так сбывается с верностью по сему.*

— А Чурила Плёнкович, получается, сын этой Плётки и Святогора? А опосля же Святогор убил свою любимую жену за то, что ёна ему с Ильёй Муромцем изменила... А от кого ж всё-таки сам Муромец свою силу великую получил — от калик перехожих али от дыхания умирающего Святогора? — по вороху посыпавшихся вопросов чувствовалось, что в голове несмышлёныша Артёмки совершенно перепутались разные былинные истории.

— Ничего ты, Тёмка, не малтаешь, — возразила ему Дашутка. — От Святогора Илья Иванович токмо часть силы перенял, иначе бы тоже не смог ходить по сырой земле. Но начальную силу вдохнули в него Ангелы Божии, кои под видом калик пришли к нему в дом, где ён 33 года сиднем сидел... Ведь правда, бабушка?

— В народе и так, и этак бают.

— Но ведь те кроткие Ангелы совсем не похожи на того, который полтыщи лет назад спускался с небес на нашу Ангилову горку. Сказывают, наш Ангел был весь огненный, грозный и страшный. Почему так? — снова любопытствовала внучка.

— Ангелы — существа духовные, бестелесные, не от мира сего, — терпеливо толковала Василиса Артемьевна. — Ёни как посланцы и верные вестники Господа Вседержителя могут разное обличие принимать. С какой целью Бог их с небес на землю посылает, такой вид ёни и сподобятся принять. К Илье Муромцу ёни наведались мудрыми старцами, каликами перехожими, дабы исцелить праведного могучего богатыря, будущего защитника земли Русской. Но в наш сузёмок Ангел Божий сошёл для вящего устрашения живших здесь чухонцев-

язычников, наставляя их скорее принять истины Христовой веры, посему ён и облачился для убедительности в грозный огонь. Дабы послание Царя Небесного вернее дошло до людей...

— Ещё я от ребят слышал, что Илья Муромец тоже из наших краёв происходит. И прозван ён так по недалёному Муромскому мысу в Онего-озере. А потом ён будто бы постригся в монахи и почил старцем в стоящем там же Муромском монастыре. Неужто верно? — поделился Артём распивавшими его досужими домыслами.

— Каждной местности любо этакое славного витязя своим ближним считать. Ёно и впрямь этак выходит, что для всех русичей Илья Иванович стал общим и любимым героем. Да и не токмо для русичей. Слыхала, что чухонцы тоже о ём свои песни складывают. Бывает, сама уж теряюсь в догадках, кого ёни имеют в виду, когда поют о вековечном кователе Ильмолайнене — своего ли какого древнего кудесника, али библейского Илью-пророка, али богатыря Муромца, — призадумалась бабушка Василиса и вдруг встрепенулась, приметив, что смотала в нить всю висевшую на лопастке кудель. Но за новую пряжу братья уже не стала. Пора было всем ложиться почивать. Да только пришедшая на ум память ещё об одном местном предании пока не давала старушке возможности утомониться. — А знаете ли вы легенду о золотой бабе, кою будто бы выковал себе в жёны тот самый Ильмолайнен заместо своей утраченной супруги?

— Я слыхала, что её где-то у нас на Водлозере прятали, токмо мне говорили, что энто вовсе не обычный языческий идол, но вылитая из золота Богородица с Младенцем-Христом, — припомнила дошедшие до неё слухи Дарья.

— Ну, никто из ныне живущих воочию ту золотую деву не видел. Мне от моя баушка сказывала, что приняли веру в Иисуса Христа карелы больше ста лет тому назад. И передали ту бабу на сбережение появившимся на Водлозере русичам-пустынножителям, подивившим их своим праведным житием, безмерной святостью и несотяжением. Наверное, как раз потому люди стали связывать её с нашей Царицей Небесной. Хотя изначально карелы пели в своих древних рунах именно о жене Ильмолайнена, коя не смогла заменить ему тёплую земную женщину. Пождите-ка, я попробую припомнить хоть кусочек той

песни, что слышала однажды от Пешы Корелянина. Правда, он называл того кузнеца по своему, по-карельски — Ильмариненом.

Василиса Артемьевна ненадолго сосредоточилась, вспоминая мало знакомый ей текст карельской руны, а потом для разгона стала сказывать предварительные подробности:

— Значица, сначала кузнец-кудесник получил из раздутого им горна чудную златорунную овцу, опосля славного среброгривого жеребчика, но всё никак не прекращал работу. Пробовал снова и снова. А потом случилось так...

*Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки, —
Что выходит из горнила,
Что на дне там происходит?
Из горнила вышла дева
С золотыми волосами
И с серебряной головкой,
С превосходным чудным станом,
Так что прочим стало страшно, —
Ильмаринену не страшно.
Стал трудиться Ильмаринен,
Сам кузнец, над изваяньем,
Ён ковал, не спавши, ночью,
Днём ковал без остановки.
Ноги сделал этой деве,
Ноги сделал ей и руки,
Но нога идти не может
И рука не обнимает.
Ён куёт девице уши,
Но ёни не могут слышать.
Ён уста искусно сделал
И глаза ей, как живые.
Но уста без слов остались
И глаза без блеска чувства...*

Ну и дальше в том же роде. Дескать, положил кузнец выкованную им золотую бабу рядом с собой в постель, однако, как ни укутывал её одеялами, всё же не смог одолеть её холода и добиться отклика человеческих чувств. Посему напрочь отказался от своего творения. Оттого золотая баба у нас на Водлозере опосля оказалась.

— Неужто, бабушка, никто не ведает, где же старцы-пустынники её спрятали? — с горящими глазами спросил Артёмка.

— Кто-то, конечно, ведает. Есть у братьев-староверов потаённое местечко, где ёни наши святыни от слуг антихристовых надёжно прячут. Да посему ёно и тайное, дабы туда никому неповадно было сунуться.

— А девчонки мне сказывали, что когда ту золотую деву на лодке в новый тайник по Водлозеру перевозили, будто бы у неё один пальчик отломился и на дно упал. И где-то там до сих пор свечение дивное над озером примечают, — Дарья дополнила легенду новой подробностью.

— Ежели так, то водлозерские водяные цари уже никогда сие сокровище никому не отдадут, — отметила бабушка Василиса ещё одну особенность того медвежьего угла.

— Неужто ёни не поддадутся даже на угрозы всесильного лесного хозяина, про встречу с коим дедушка Егор рассказывал? — не унимался Тёмка.

— Да что им за указчик — тот лесной хозяин? Ёни же в другой стихии живут и дружбу с лешаками вовсе не водят. И вообще, наши водяники — донельзя вредные бесы. Тело вашего утопшего батюшки нам так и не отдали. А деда Пешу тады известили, что скоро война будет долгая да кровавая. Люди бают, что московский царь Пётр готов на юге с османами-басурманами замириться, дабы на севере взяться грозных свеев воевать... Не разбери-пойми, чего дальше ждать? Спаси и сохрани нас, Отец наш Небесный! Пречистая Богородица, моли Бога о нас! Помогите нам, Ангелы-заступники и все святые угодники! — старуха трижды с поясными поклонами двуперстно перекрестилась на образа, заставила наскоро помолиться внучат и велела им отходить ко сну.

За окнами по-прежнему по-волчьи выла злая пурга. Засыпавшие в тот Васильевский вечер водлозёры ничуть не чаяли, что по указу государя Петра Алексеевича с утверждённым им новым летоисчислением ненароком вступили в 1700-й год от Рождества Христова, в переломное столетие нарождавшейся новой эпохи.

Часть первая.
Вольному — воля

Сон о Стеньке Разине

Тревожное видение ворвалось вдруг в Илюхин сон, прежде спокойный и благостный. Приснился ему недавно почивший дед Ероха, о кончине коего внук крепко горевал. Будто бы молился Ерофей Кириллович с двумя незнакомыми Илье мужиками перед чудной иконой Пресвятой Богородицы в каком-то большом светлом храме. Справные кафтаны и удалая стать выдавали в спутниках деда удачливых казаков с Дона. Слева от него стоял кражистый атаман, широкогрудый, русоволосый, с курчавинкой в отливавшей рыжиной бороде и властным дерзким взглядом, мало похожим на подобающее святому месту христианское смирение. Казак справа был чуть поуже в плечах, но тоже ладно скроен, мускулист, ростом повыше и темнее волосом. Он хоть и был видом суров, гораздо трепетнее шептал молитвы.

Внезапно кругом потемнело. Из ближнего к Младенцу-Спасителю глаза опечалившейся Божией Матери потекла по иконе драгоценная слеза. С разбойным присвистом в храм влетел ветер и поднял пыльной спиралью кручёный столб, принявшийся яро буравить нижним остриём каменные плиты церковного пола. Плиты не выдержали, треснули, стали рушиться вниз, уходя из-под ног схватившихся за руки оторопевших богомольцев. В образовавшемся проёме сверкнули языки адского пламени, пока далёкого, но уже обжигавшего воздух грозным жаром. Кудреватый атаман, внешне ничуть не выдавший страха перед нагрянувшим бедствием, всё-таки оступися первым и повис над огненной бездной, потянув за собой стоявшего рядом Ероху, которого в свой черёд цепко держал за другую руку отпрянувший к спасительной стене второй казак.

Вот уж и дед Ерофей соскользнул с каменной тверди. Того и гляди, потеряет опору последний удерживающий товарищей дончак. Но тут тянувший всех в огненное море казак крикнул что-то лихое напоследок, решительно разжал свою руку и со скривившей губы гневно-озорной усмешкой полетел вниз, ох-

ваченный всепожирающим пламенем. Только после того Ероху вытащил на поверхность уже вроде и не прежний его знакомец, а отдалённо напоминавший его монах-схимник, одетый в длинную рясу и надвинутый на старческие брови чёрный клобук. И части разрушившегося было пола снова восстановились, сдвинувшись с громким треском вплотную.

...Казалось, именно тот треск разбудил Илью, однако, очухавшись ото сна на широкой лавке, он услышал звук наяву. Не сразу понял, что до него донёсся шум от ломки ледяного панциря, сковавшего на зиму реку Шексну. Попытался выглянуть в окошко, но ничего не разглядел сквозь тёмные слюдяные пластины, соединённые с рамами и меж собой свинцовыми спайками. Сунул босые ноги в плетёные из мягкой бересты следки, заменявшие белозерским чухарям домашние тапочки, накинул на плечи овчинный тулупчик — да так полуголый, в одной холщовой рубаше до колен, выскочил на возвышавшееся над хозяйственным подклетом крытое крыльцо.

Очень любы были Илюхе всякие проявления мощи природы — грозы, ураганы, бураны... Ну, конечно, если они ему самому ничем не угрожают, а посмотреть на игрища стихий можно вот так, со стороны. Тогда точно всё происходящее кажется увлекательной игрой, которую то ли для развлечения своего от упокоения привычной небесной скукой, то ли от вечного недовольства неодолимой греховностью людской периодически устраивают Ангелы Божьи, насылая на землю устрашающие её обитателей громы и молнии, свирепые осенние вихри и слепые снежные бури.

Право же, не дай Господи, оказаться в такой гибельный миг в дальней дороге, в открытом поле, даже в прикрывающей человека деревьями дремучей тайге — невелика та защита от вырывающего с корнями вековые ели могучего ветродуя. Всё одно сшибёт с ног, закрутит, заметёт, угробит...

В том и прелесть стороннего наблюдения за картинами этакого безудержного разгула природных силищ! Во внутреннем переживании чувства острой опасности, на этот раз далёкой, да вдруг написанной на роду и когда-нибудь вполне вероятной в самой близи, таящей угро-

зу и оттого загодя ощущаемой пробегающими по коже мурашками.

Час был ранний. А в середине апреля ночи на Вологодчине ещё долгие. На сумрачном небе проглядывал среди тёмных туч серп тусклого месяца. Лишь на востоке чуть рассветило. Впрочем, предутренние сумерки вовсе не мешали разглядеть ширь белой реки, окаймлённой за прибрежными промоинами густыми лесами и только вчера выглядевшей почти цельным снежным полотнищем. А нынче покрывшись она трещинами от разломов, вдоль которых всё заметнее становилось покачивание со скрежетом трущихся краями огромных льдин, упрямо пытавшихся отколоться от общей глыбы, чтобы предаться вольному движению по щекотавшему их снизу бурному потоку.

Наконец один ледяной островок бочком надвинулся сверху на соседний, придавил его своей тяжестью, обломил нырнувшую под воду кромку толстого льда и сам тут же раскололся на вставшие дыбом куски помельче. А те стали дробить другие сдвинувшиеся на освободившееся место крупные осколки — с грохотом, с серебряными брызгами ледовой крошки и вырвавшихся из-под спуда водяных фонтанчиков. Вскоре накопившееся в трещинах напряжение разрешилось чередой новых разломов по центру реки, где наметились в нешироком поначалу канальце подвижки напивавших друг на друга льдин. Шексна зашевелилась и потекла дальше вместе с набиравшим силу ледоходом.

— Ильмо, туле тянне, — ворчливо позвала парня в дом тоже проснувшаяся от шума старуха вепсянка, смотрительница дедовской усадьбы, где Илья остался пожить после недавних похорон Ерофея Белозерского. — Каццио, холод-то какой. Родной язык, что ли, запоматывал? Ходь в избу, говорю, вишь, как студёно, ненароком простынешь гольцом на морозяке. Да лоб перекрести, прежде чем за порог высказывать.

— Не шибко и студёно, баба Акулина, шелонник добрым теплом пахнул. Видать, оттого и лёд на Шексне так рано треснул, — возвратившись через сени в не запиравшуюся до сороковин горницу, откликнулся Илюха. Всё же он зябко поёживался от свежести, отчего нас-

коро натянул на замёрзшие ноги согретые на печке порты и шерстяные носки.

Старая нянька, наперсница бабушки Дуни, рано погибшей и потому знакомой внуку только по рассказам родичей, нашептывая под нос молитвы, высекала кресалом огонь, чтобы растопить печь и приготовить завтрак. Вот искра зацепила клочок подложенной под сухие щепки кудельки, старуха раздула огонь, вскоре охвативший растопку надёжным пламенем, тут же взявшимся облизывать жадными языками поленья покрупнее. Акулина удовлетворенно обернулась к боковой стене, на которой ближе к переднему углу висело предназначенное для обиталища отлетевшей души узорное полотенце над аккуратно застеленной лавкой, где по обычаю на каждую ночь до сорокового дня поминовения устраивалась постель для её усопшего хозяина.

— Не забыл, чай, что деду твоему ноне девятины, — скорее не для напоминания, а для порядка сказала старуха, перекрестившись на убранные чистыми рушниками тёмные иконы, строгими ликами взиравшие вниз с прибитого между стенами поставца под потолком.

— Такое разве забудешь, — опечалась, ответил Илья. И вдруг его осенила догадка, следом вылившаяся в торопливые реплики: — А ведь я, наверное, потому и проснулся ненароком... Похоже, дедушка мне о себе напомнил в нынешнем странном видении... Точно-точно, сон был в память о том, как он познакомился со Стенькой Разиным и Фролом Минаевым, когда ходил с ними на богомолье в Соловецкий монастырь...

— Этта когда он свою жёнку и четырёхлетнего Павлушку на три месяца бросил?

— Ну да, уж лет сорок с лишком назад. В тот год Степана Тимофеевича казаки первый раз на Дону атаманом кликнули. А с его есаулом Фролом дед Ерофей в персидском походе побратался. В его честь и мово старшего брата назвали. От него, помнишь, дядька Фёдор ещё с Азова весточки передавал, когда Минаев уж сам был атаманом всего войска Донского и водил вместе с казаками наших стрельцов на турок по воле царя Петра...

— А опосля он на старости лет в монахи постригся да и помре Филаретом-схимником? Как

же, помню, Ерофей Кириллович, когда получил о том известие, шибко занедужил, почитай, на полгодочка слёг и уже не оправился от кручины. Прости ему, Господи, грехи тяжкие! Сколько уж он помыкался по белу свету, чего только не спытал на своём веку, но чужой заедать не стал. Царствие ему Небесное!

— Так оно и есть, баба Акулина, — подтвердил Илья. — Привиделось мне, что атамана Разю огонь испепелил. А дедушку будто бы именно старец-монах из геенны вытащил, но который раньше казаком был. Разве ж случайно дед Ероха в Великую субботу перед Пасхой Богу душу отдал? Не зря говорят, что усопшим в этот день сразу двери рая распахиваются.

— Ты бы, внучок, съездил на кладбище да помянул старика по-христиански.

— Сёдни, бабуля, дома его помянем. Братовья обещались скоро подъехать. И себе, и деду баньку жаркую справим. А завтра, на Радуницу, по дороге к Вологде вместе с ними на кладбище заглянем. Самый что ни есть христианский помин будет нашему деду.

— Я тады калитки вам напеку, стол праздничный накрою, — засуетилась старая хозяйка. — А ты, Илья Павлович, всё ж встань, помолись на образа. Не забывай утреннее правило, дабы и тебе, и дедушке было покойнее. Хоть чухари мы, а всё православные...

По рождению Илья впрямь мог считаться наследником обитавшего в былые века подле Белого озера летописного племени весь, поскольку чудинками были и его бабушка Авдотья Никитична, и мать Ульяна Гордеевна. Да и прабабку Марфу местные прозывали кайванкой за то, что она тоже происходила из чухонского корня — из родственной корелы, массово переселявшейся со смутных времён после шведских гонений от побережья Ладоги или, как бытовало в просторечии, из финской области Каяни. Жившие окрест русичи, уже не помнившие своего племенного истока — от древних словен, кривичей или вятичей, ничуть не отделяли от местного сообщества белоглазую чудь, жили с ней ладно и почти сплошь перероднились. Потому чудской язык был вовсе не чужд многим воложжанам, а для иных оставался вторым родительским.

Дед Ерофей рассказывал, что сам появился

на свет полурусским из-за печального случая. Дескать, нагрянувшая в 1630 году на Вологду моровая язва унесла жизнь совсем ослабевшей при родах двух его старших братьев-близнецов супруги стрелецкого полусотника Кирилла Оглобли Екатерины. Ещё до того как схоронить и оплакать жену, тот вынужден был взять в няньки для малых детушек рано овдовевшую чухонку Марфушку, славившуюся покладистым нравом и знатными знахарскими способностями, что в чудских племенах остаётся делом обычным. А со временем, сам став вдовцом, как-то прикипел к ней по-мужицки да и прижил вскоре третьего сынка. Венчаться другой раз посчитал за гораздо больший грех, чем случившееся сожителство без венца. Но сына родным признал безоговорочно. Только подальше от пересудов отселил младенца Ерошку с матерью из города в отстроенную для них усадьбу на берегу Шексны.

Люди судачили, что многое в жизни Илюхиного прадеда, бывшего посадского человека Кирюхи Оглобли, с отрочества ходившего возчиком с купецкими обозами в разные края Руси, связалось с его трепетным почтением к новой царской династии Романовых.

С юности паренёк отличался недюжинной физической силой, испытанной в обычных кулачных боях стенка на стенку, которые по излишнему запалу участников порой оканчивались тем, что Кирюха разгонял не унимавшихся настырных соперников тележной оглоблей, за что и получил своё прозвище. Его богатырская силушка сгодилась в Смутное время, когда молодой боец вступил в вологодское ополчение, освобождавшее Отечество от польско-литовских захватчиков под рукой доблестного князя Дмитрия Пожарского и первым бросившего клич к единению русского народа на священное противоборство с неприятелями нижегородского гостя Козьмы Минина.

После одоления Смуты отличившегося в кровавых сражениях воложжанина без колебаний взяли в стрелецкую службу, стали уважительно величать Кириллом Егорьевичем. Поскольку же повышение его статуса столь счастливо совпало с соборным возведением на российский престол юного царя Михаила Фёдоровича Романова и последующим утверждени-

ем на патриаршестве его родителя, из первых бояр постриженного в монашество под именем Филарета, новоиспечённый стрелец прочно воспринял с получившими власть по Божескому промыслу правителями все благодетельные перемены в государстве и личной судьбе.

В державе Российской тяжёлые последствия смутных времён действительно мало-помалу изживались, течение жизни в провинции тогда чуть утишилось, вошло в прежнюю колею. Однако семейная жизнь Кириухи сложилась далеко не сразу. Ещё с десятков лет мешало тому постоянное участие в боевых походах то супротив засевших на новгородских землях шведов, то на долго промышлявшие в северных лесах шайки «панов», как прозывали отколовшихся от войск интервентов в поисках лёгкой добычи малоросских козаков и заплывавших в чужих краях литвинов, не однажды пытавшихся осаждать и штурмовать даже недалёкий Кирилло-Белозерский монастырь, считавшийся мощной крепостью.

Только к тридцати годам женился Кирилл Оглобля на приглянувшейся ему посадской девице Екатерине, внешне красивой, но, увы, больной. Она успела родить ему до сыновей-близнецов трёх слабеньких дочек, из-за привязчивых детских хворей почивших в младенчестве. Обрадованный нечаянным рождением долгожданных наследников, стрелец сразу озабочился их здоровьем и даже имена им выбрал ради крепкого небесного покровительства в честь первых особ царственного дома, незадолго перед тем отметившим пятидесятилетие восшествия на престол Михаила Фёдоровича: старший был крещён Фёдором, младший — Михаилом. А потом и в их семьях повелось крестить первенцев-пацанов именами друг друга.

Призванную беречь крепость малышей няньку Кирилл Егорович тоже выбрал не просто за её знахарский опыт и женскую статью, но и с иным умыслом: ведь звали её Марфа — точно так, как в иночестве прозывалась боярыня Ксения Романова, бывшая супруга патриарха Филарета и мать действовавшего российского самодержца. Тут, видать, и суеверия народные сказались, и неизбывная дедовская вера в святое заступничество Пресветлой Богородицы, которая не может не заметить сло-

жившуюся в именах символику. Так или иначе, хитрый отцовский расчёт вполне оправдался. То ли по соизволению высших сил, то ли благодаря заботливому догляду любящейся всем няньки-маменьки Фёдка с Мишкой выросли крепышами, в могучую батину породу. За ними в будущем закрепились новая родовая фамилия — Кирилловы, а позже им досталось по законному наследству и отцовское стрелецкое служение.

Байстрюка Ерошку нарекли так за то, что уж с утробы матери, как только его освободили от родовой рубашки, он выскочил непоседливо голосистым, ершисто волосатым, но довольно хлипким по сложению, не в пример упитанным и спокойным старшим братьям. Ему от бати осталось только отчество. Фамилию же определили по случаю предполагавшегося для него иного служения — монашеского, отделив для того вторую часть от названия знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря, где мальчонке предстояло сначала суровое воспитание и обучение, а затем обещанное отцом пострижение во избавление от родительских грехов.

Впрочем, подросший Ерофей Белозерский, получив у строгих иноков, приставленных к отдававшимся в монастырское послушание детям, приличное по тем временам образование, от завещанного ему пострига всё-таки наотрез отказался и сам выбрал себе другую беспокойную судьбу. О ней-то вперемешку с заученными наизусть молитвами вспоминал вслед за прочими семейными преданиями увлечённый разгадкой тревожного предутреннего видения Ерохин внук Илья.

Обереги Ерохи Пурги

Рассеянно помолившись и перекусив наскоро сготовленной яичницей, крынкой молока и краюхой ржаного хлеба с загустевшим мёдом, Илья открыл заветный дедовский сундучок, обитый по тёмному дереву начищенными медными полосками. Ерофей Кириллович берёт в нём дорогие его сердцу вещицы, как он с напускной важностью в голосе говаривал, «талисмаыны». Каких только странных арабских, персидских, татарских словечек не нахватался

дед за время своих скитаний в далёких южных краях — не каждому сразу даже внятное объяснение мог дать, пускаясь в туманные сравнения с русскими понятиями. А это пояснял с уверенной простотой: «Обереги памяти».

Из левой стороны сундука Илья первым делом достал толстенный «Апостол», печатанный ещё Иваном Фёдоровым затейливыми рукописными буквицами. Его купец Белозерский выкупил из богатой монастырской библиотеки, насчитывавшей не меньше двух тысяч томов рукописных и печатных книг. Закладкой меж его страниц на особо любимых дедом «Деяниях апостола Павла» лежала иссохшая, но некогда аккуратно сложенная кожа. Внук знал, что это та самая «родовая рубашка», в которой появился на свет горласто-ершистый счастливек Ерошка. Таким его считали с младенчества, хотя при родах он чуть не задохнулся в том плотном кожаном мешке и позже познал гораздо больше лиха, чем напророченной счастливой доли. По обычаю столь судьбоносную приметку принято было хранить именно в важных церковных книгах — ради облегчения мирской жизни её обладателя. Как бы для приманки вольной пташки счастья.

А и в самом-то деле, в чём суть того желанного житейского счастья? Не в том ли, чтобы достойно пережить выпадающие на долю человека невзгоды, не сломаться, не спасовать под ударами судьбы, но, твёрдо выдержав их, одолев всяческие препятствия, уйти в иной мир со спокойной уверенностью в хорошо сделанной работе по умножению талантов чистой души человеческой? Уж в этом смысле Ерофея Кирилловича точно можно назвать счастливчиком.

Невелико было б его везение по раннему принуждению, но не по убеждению сделаться неуспокоенным иноком. Отданный в семилетнем возрасте в Кирилло-Белозерский монастырь в тяжкое учение, быстроглазый мальчишка не раз перечил седобородым наставникам в рясах и, хотя знания схватывал буквально на лету, дольше других сверстников простаивал на коленях на жёстком горохе или чаще грелся под мокрыми розгами.

Потому так желанны были для него короткие отпуска на волю после многодневных постов:

зимой — на Рождество, весной — на светлую седмицу после Пасхи, летом — после Петровок до самого Ильина дня. Тогда батя Кирилл Егорович, по уговору с монастырским начальством и, разумеется, за посильные дары или пожертвования, забирал пацана в Вологду, где позволял порезвиться со старшими братьями, учил всех троих освоению ратных приёмов, разрешал даже пострелять на выселках из своей огромной пищали по самодельным мишеням.

Такие забавы нисколько не сравнимы с нудной зубрёжкой в душной монастырской школе, со скучным житьём по строгому распорядку да под суровую диктовку, с однообразной чередой молитвенных послушаний и куда больше запомнившимися вспышками телесных наказаний за малейшее проявление непослушания... Никак не могла уготованная ему монашеская жизнь примирить с собой вольнолюбивую натуру Ерошки.

Слава Богу, в обители это со временем поняли и перестали настаивать на скором постриге юного послушника, для начала назначив его после курса обучения в служение по обширному монастырскому хозяйству. Служил Ероха и поварёнком, и плотником, и конюхом, а уж когда совсем окреп, стал, как и его батя в юности, сопровождать обозы с предназначенными для монашеской братии товарами да снедью по просторам Русского Севера, где у богатого Кириллова монастыря было немало вотчин, изобильных рыбных промыслов и кабальных данников среди напрочь обнищавших крестьян.

Оберегом памяти о той поре остался в дедовском сундучке увесистый кистень — чугунный шарик в кожаной оплётке, крепившийся прочной двойной уздечкой на плече под армяком. Вроде и не видать у обозника никакого оружия, но стоит только наскочить на него лихим людям, как чёрная смерть на длинном ремне может стремительно вылететь из его рукава на неосторожно подставленные на опасно близкое расстояние головы. Постаревший стрелецкий пятидесятник Кирилл Оглобля, прослышав об одном таком боевом эпизоде, в котором отличился ловкой удалью его с виду щуплый, но жилистый Ероха, аж прослезился от гордости, вспомнив свою мятежную молодость, и окончательно простил непутёвого сы-

на за допущенное им нарушение отцовского обета. Сам договорился с монастырём о размере откупа, сосватал у чухаря-купчика Никиты Авдеева приглянувшуюся парню невесту Дуняшу и отдал молодожёнам для жития ту самую усадьбу на Шексне. В начатое сыном купеческое дело старик со сватом тоже своим невеликим прибытком вложил — царёво жалованье стрельцам частенько задерживали, потому они пытались сами прокормить семьи или торговлишкой, или какими доходными промыслами.

Вот и память о бабушке Дуне — Илья достал из сундука ладанку чёрного бархата, в которой хранились несколько записок с заветными заговорами и молитвами, прядь белокурых волос, витые серебряные серёжки с голубым малахитом, простенькое закладное колечко из зелёного нефрита, подаренное женихом при сговоре о сватовстве, маленькая иконка Владимирской Божией Матери в затейливом окладце, искусно украшенном зернью по филигране...

Похожий образ Богородицы в тёмном омофоре, крепко прижавшей головку младенца Христа к своей правой щеке, Илья видел в давешнем сне. Ну да, конечно, эту чудную иконку дедушка привёз как раз с Соловков, где выменял её у торгаша-монаха за дорожную золотую цепочку. Исстари считается, что первый список Владимирки сделан евангелистом Лукой на обрезке доски от стола в доме самой Пречистой Девы Марии ещё при её жизни, а значит, передаёт наиболее верное портретное сходство с ней. Лик Царицы Небесной на этой иконе, подаренной Константинопольским патриархом великому князю Юрию Долгорукому, традиционно грустен, но, пожалуй, теплее и проникновеннее, чем у более строгих канонических вариантов.

Впрочем, история умалчивает, какая именно икона поразила Стеньку Разина на Соловках. Может быть, более характерная для соловецких храмов Смоленская Одигитрия или молящаяся за спасение грешных душ Боголюбская Богоматерь? Известно только, что даже суровый донской атаман внутренне восхитился затаившейся в очах Её иконописного образа невыразимой боли за весь род человеческий, в чём признавался и случайному спутнику Ерохе.

В провожатые к следовавшей на поклонение в Соловецкий монастырь станице донских казаков Ерофей Белозерский попал действительно случайно. Было это лет через пять после свадьбы с Дуняшей, осенью 1661-го, когда самостоятельно занявшийся торговым делом молодой купец возвращался с товаром из Великого Новгорода. На постоялом дворе где-то на Валдае он встретился с глянувшимися ему вольными дончаками, искавшими толкового проводника на север. Выделявшийся среди станичников атаманским норовом Степан, Тимофеев сын, хоть уж бегал разок на Соловки за девять годков до того, но уверял, что в подробностях дорогу запомнил. Позже он, разоткровенничавшись под хмельком, сказал Ерохе, который был младше Разина всего на три года, что иные селения на карельской земле хотел бы миновать вовсе или пройти наскоком, чтобы не быть узнанным из-за какой-то провинности, допущенной им в прошлый раз.

Самый близкий товарищ Разина, бабник и задира Фролка Минаев, с которым Ерофей особенно сдружился по родству непоседливых характеров, нашептал потом новому приятелю, что по молодости Разя в том паломничестве к святым местам кого-то ненароком пристукнул до смерти, потому, дескать, снова на Соловки двинулся, чтобы отмолить грехи былые и будущие, коих у любого лихого казака копится без всякой меры.

Порывистый Белозерский душевно откликнулся на предложение случайных знакомцев, поручил своим обозникам довести гружёные телеги до Вологды без него и предупредить родных, что вернётся ближе к зиме, а сам увязался в дальний путь со станицей. Прежде он не однажды хаживал вдоль берегов Ладоги и Онего-озера, добирался вплоть до Выговского края, где у Кириллова монастыря ещё оставались корыстные интересы, порой оспаривавшиеся тамошними Клименецкой и Палеостровской обителями. Но за Выг-озером до той поры ему бывать не доводилось. Знамо было всякому, что в Поморских уделах оспорить что-либо у всесильных Соловков мало кому удавалось.

— Где соловчане десницу наложат, нашим кирилловцам уж делать нечего, — с разумением пояснял Ероха казакам хозяйственные тре-

ния между крупнейшими и богатейшими обителями северных земель. — По Свири тоже вологодским лишнего не обломится — тут монастырь святого преподобного Александра Свирского крепко лапу держит. Чуть севернее хозяйничают Иона-Яшезерский и Важеозерский монастыри, а дальше к Западу начинаются Коневецкие да Валаамские вотчины...

— Что ж ты, Ерофей, отношения меж свято-русскими столпами всё своей купечской меркой меряешь? — подначивал собеседника неутомный Фролка.

— А как иначе? Чернецы — тоже люди, они тоже кушать хотят. Пусть мяско монахам устав пробовать не велит, но от доброй рыбки в скоромные дни ни один из них не откажется. А кто ж им её дать, как не кабальные данники-христиане? За то, чтоб на них ярмо набросить, монастыри промеж собой и тягаются, да за наделы земельные, даруемые по царёвым грамотам, — со знанием дела растолковывал Ероха.

— Неужли у царя и московских бояр своих земель тут нетути? — дивился Фрол.

— Допрежь не бывало, ибо едем мы по бывлой Обонежской пятине Господина Великого Новгорода, где собственные вотчины, деревеньки, а то и отдельные крестьянские дворы в скудных на жильцов селениях имели тамошние бояре да посадники. Теперь их всё чаще раздирают в кабалу как раз монастырские приказчики. Хучь, вестимо, все мы люди осударевы, подневольные, каждый назначенную ему мзду в казну платит...

— А вот Стенька считает, что на севере люди всё ж живут повольнее, чем на югах.

— Не ровняй, Фрол, ваши донские вольности с нашенскими. Может, оно и так где-нибудь в укромных уголках безлюдного Поморья или в таёжной глуши, куда мытари воеводские да монастырские келари добраться не сподобятся. А в прочих местах людишки несут одинаково тяжкое бремя. Там не до жиру — быть бы живу... — не уступал в споре Ерошка. — Не сам трудник, так обчина за его долги в ответе. Оттого остальным соседям, уразумей, легче совсем не становится. Ить со всех тады три шкуры сдерут. Посему не гони ты пургу почём зря.

Вот за это любимое дедовское изречение, коим Ерофей Кириллович зачастую осаживал

иных спорщиков, попутчики-казаки прозвали его Ерохой Пургой. С такой кличкой он позже участвовал в знаменитом персидском походе разинцев по Кизилбашскому морю, а затем и в грозном народном восстании, гневом отчаяния обездоленной голытьбы вздыбившем вскоре Поволжские земли...

Поводом искать защиту у знакомых дончиков стали трагические события, случившиеся ещё через шесть лет после того памятного хождения на Соловки. Сметливый Ероха использовал то путешествие для наведения мостков с поморскими рыбаками. Ближе к зиме, после осенней путины, регулярно наведывался на север за дешёвой морской рыбкой с парой-тройкой воез. К той поре жизнь семейства Белозерских вполне наладилась на небольшие доходы — особенно от рыбной торговли. Однако ж не зря говорится: счастье в оглобли не впряжётся.

Бедка пришла откуда не ждали. В недалёком от Шексны Ферапонтовом монастыре назначили тогда место ссылки бывшему патриарху Никону, после громкого раздора с государем Алексеем Михайловичем попавшему в жестокую опалу, но долго пытавшемуся в не столь уж тяжком заточении пестовать прежнее честолубие. В окрестностях властолюбивого затворника невзлюбили. Местные жители, среди которых оставалось много ревностных приверженцев старой веры, не могли простить Никону не принятых ими нововведений церковной реформы. Насельники соседнего Кирилло-Белозерского монастыря стонали от непомерных аппетитов ничуть не избавившегося от своевольства бывшего пастыря, требовавшего от них увеличения поставок на своё подворье снеди, сена и дров. Торговые люди жаловались на скаредность никоновских служек, нещадно сбивавших цены на добротные товары. И буквально вся округа задрожала в страхе от беспокойных гостей, зачистивших в Ферапонтову обитель.

Не однажды наезжали к Никону то царские посланники, то именитые дворяне как из самой стольной Москвы, так и из ближних городов и усадеб. Обычно их сопровождала охранная свита из жильцов-захребетников, отрабатывавших своё содержание верной службой богатым родовитым особам. По наглости по-

ведения эти вооруженные отряды скорее напоминали шальные разбойничьи шайки, отчего справедливо сравнивались в народе с достопамятными опричниками.

Жертвами одной из таких опричных ватаг оказались осенью 1667 года супруга Ерофея Авдотья Никитична и его престарелая мать Марфа Васильевна, возвращавшиеся по лесной дороге домой из Кириллова монастыря, куда они ездили на бричке на праздничную Покровскую службу. Старушка, было, попыталась урезонить богато разодетых ездовых, наскочивших на богомольцев с нечистыми помыслами, но бессовестный пьяный дворянчик попросту её зарубил. А белокурую красавицу Дуняшу, не спрашивая ни имени, ни отчества, его подручные накрепко скрутили верёвками, увезли в какую-то дальнюю усадьбу на реке Вологде, где скопом снасились и потом утопили. Вот тебе и Вологда — светлая вода...

Окровавленное тело бабушки, заброшенное ветками и листвой неподалёку от проезжей просеки, нашёл дня через три десятилетний Пашка, кликнувший на поиски пропавших родных крестьян-соседей с собаками. Её схоронили ещё до возвращения с севера Ерофея Кирилловича с его рыбным обозом. По пересудам среди возмущенных местных жителей вскоре ясно определился и след разбойного отряда, полонившего Дуню. Распалившийся праведным гневом Ероха по возвращении уже точно знал, где искать насильников. Его старшие братья-стрельцы, почитавшие нянюшку Марфу сыновней любовью, твёрдо поддерживали опасное начинание, только форменные кафтаны свои оставили дома да маски надели, чтобы не быть узнанными. Даже законопослушный старик Оглобля, от пережитого горя слёгший на предсмертном одре, с тяжёлым сердцем попустил сыновей на тайный бунт.

Понятно, чтобы избежать вероятных подозрений согладатаев-ярыжек, братья с особым тщанием подготовились к боевому делу: умело разведали подступы к той дворянской усадьбе, загодя нашли благовидные предлоги для отлучки, о Ерохе вовсе распустили слух о долгом отъезде на север вместе с сыном... Ударил в самую сатанинскую ночь — на рождественский сочельник, когда у хозяина в горнице остались после

трапезы только захмелевшие захребетники. Безвинных стражей оглушили и связали. Попавшуюся на глаза дворню тихо согнали в дальний овин и заперли. Двери помещичьих хором подпёрли бревном. Дом запалили с четырёх сторон, не пожалев на растопку сухого хвороста и сена. А потом с углов метко били из пистолей и пищалей по окнам, когда в них пытались выскочить из пламени вооружённые люди. Сабли поганить их кровью совсем не пришлось.

Мсть получилась жаркая, жуткая, беспощадная. Люди после обсуждали тот случай именно как дело неузнанных мстителей. О причастности Ерохи, конечно, подумывали. Но его и след простыл. Правда, затерялся он отнюдь не на севере, а на юге. Как раз тогда сопровождаемый Павлухой Ерофеем Белозерский двинулся к Дону. Весной, прослышав о намерении знакомого Стеньки Разина сбегать за зипунами в богатые хвалынские земли, он оставил сына в Воронеже на попечение близких дончакам торговых людей и успел добратся до Паншина городка, чтобы вовремя присоединиться к собравшейся вдогонку разинцам ватаге Серёги Кривого. Лучшим пропуском в ряды казаков стали рассказы Ерохи Пурги о личном знакомстве с самим наказным атаманом и его любимцем Фролом Минаевым.

Вот она память об участии деда в персидском походе — искусной работы прочная кольчужка, чуть порванная на правом плече, и острый, по-восточному чуть загнутый тонкий кинжал с украшенной самоцветами рукоятью в чеканных золочёных ножнах...

Едва успел Илья вытащить из сундука особенно любимые им воинские обереги, как слышал призывный крик с другого берега узкого залива, отделявшего усадебный полуостров Белозерских от прямой дороги к Кириллову монастырю. Выйдя на крыльцо, он увидел за полоской ещё крепкого льда, по которому была проторена неширокая тропа, двух спешившихся с лошадей стрельцов, одетых в тёмно-синие походные кафтаны, видневшиеся из-под накинутах поверх бараньих полушубков. В них парень сразу узнал ожидавшихся им братьев — родного Фролку и троюродного Мишку Кириллова.

Братья приехали...

— Эгей! Здорово, братцы! — зычно крикнул Илья через заливчик. — Не бойсь провалиться, ходь с конягами прямо по тропе. Тута ледяной наст прочнее камня, так его за зиму утопали.

— Добре, коли не шутикуешь, — откликнулся невысокий коренастый крепыш Фрол, за сметку, основательность и стойкость в драках признанный ровесниками жожаком. — А то нас с Михой сумление загрызло, кабы не скупнуться в этакый ледоход.

— Для верности хучь бы деревянные мостки постелили, матушки вы мои, — пробубнил себе в нос дородный детина Мишка, вслед за Фролом сторожко выводивший свою лошадь на лёд с пологого берегового обреза.

Пока гости переправлялись к усадьбе, Илья дал наказ выскочившему во двор из пристроенной торцом прямо к хозяйскому дому соседней избы Акулининому внучонку:

— Васятка, затапливай баньку. Воду туда я уж с вечера наносил и в кадки, и в бочки. Ждал только, когда брательники нагрянут. Теперь пора.

Вихрастый подросток Васёк, подтянув постоянно спадавшие с шуплого тельца штаны, заправленные в серые валенки, мигом кинулся исполнять ответственное поручение, поскольку догляд за баней входил в число его усадебных обязанностей наряду с уходом за скотиной в хлеву, расположенном по другую сторону большого двора, обнесённого по периметру косой изгородью из бросовых осиновых кольев.

Акулина Власевна меж тем суежилась у печи и споро накрывала стол поспевшей выпечкой: пусть, дескать, робятушки перекусят с дороги горячими калитками с толокном, а уж оставшиеся с осени разносолы и запаренную в чугушке сытную баранину испробуют после банной помывки.

Илюха, обув подшитые по подошве крепкой материей дедовы валенки и напялив тулуп, спустился вниз, чтобы обнять братьев и помочь им расседлать лошадей.

— Что же вы ноне не в лепых красных одёжах пожаловали? — поинтересовался он у приезжих. — Чай, праздники на дворе. Деды наши завсегда гордились алым цветом своих кафта-

нов. Говаривали, что они достались им по праву первого стрелецкого полка, созданного государем Иваном Васильевичем Грозным именно в Вологде...

— Ох, Илюшка, не сыпь соль на раны, — обнимая младшего брата, с грустинкой ответил Фрол. — Много с тех пор воды в Шексне утекло. Сам знаешь, нынешний-то царь Пётр стрельцов вовсе не жалует. Ну и чёрт с ним! Прости, Господи! Мы и без царёвой любви да ласки перебьёмся. Главное, чтобы Бог нас не оставил. Христос воскресе, братка!

— Воистину воскресе! — парни смачно похристосовались звонкими поцелуями.

— Видать, кровавый цвет стрелецких кафтанов напоминает антихристу Петрушке об устроенных им жестоких казнях в Белокаменной, — включился в объяснение дылда Мишка. — Скоро четыре годочка сполнится, как сгинули там дед Фёдор и всё семейство повешенного дядьки Михаила, моего полного тёзки. Благо, мой тятка в Москву не переехал. А то б и мы сложили уже вместе с родичами свои буйные головушки. Эх, матушки вы мои, хучь и требует от нас Господь смирения и всепрощения, а сердце от гнева и обиды не стихает... Прости мя, Господи, грешного! Христос воскресе!

— Воистину воскресе! — Илюха, чуть приподнявшись на носки, трижды облобызался с наклонившимся к нему могучим троюродным братом.

— А проще-то сказать будет, что разноцветная полковая форма теперь напрочь отменена, — добавил рассудительный Фрол, по характеру скорее напоминавший практичного отца Павла Ерофеича. — Всем стрельцам теперь выданы походные кафтаны — кому такие вот тёмно-синие, кому совсем чёрные, как рясы монасей. Уж тыщи три стрельцов из северных городов согнал нонче в Вологду царский стольник Афоня Бренчанинов. По всему видно, что наше стрелецкое воинство собирают в последний поход на свеев. Чем он там закончится — одному Богу известно. Лишь бы не позором памятной Нарвы... Другое ясно: скоро всю стрелецкую рать поменяют на новую регулярную армию. И нас с Михой тоже в солдаты забреют, ежели живы останемся или, как ты, не пристроимся в купецкие приказчики под защиту бурмистерской грамотки.

— К гадалке не ходи — ваши чухарские ведуньи точно так же скажут, матушки вы мои. Иначе ж зачем сам осударик Пётра, прости Господи, к концу апреля в нашей Вологде ожидается? — выдал наконец медлительный, но острый на словцо Мишатка главную новость, распиравшую его изнутри своей очевидной значимостью.

Фрол тут же зацепился за появившийся в разговоре повод:

— Ты, Илюха, тоже царя Петра увидеть сподобишься. Батя зовет тебя вертаться в Вологду вместе с нами. Есть у него какое-то важное поручение. Похоже, куда-то он хочет тебя послать с товаром. Так что, купчик, будя прохладяться. И ты без дела не останешься. А заодно нас с Михой на войну проводишь.

— Я уж сам собирался к бате. Вот завтра на Радунцу и тронемся. До обеда успеем дедову могилку проведать на монастырском кладбище, а к вечеру до дома доберёмся. Пока же идите, позавтракайте, чем бабка Акулина угостит. Да не треплите лишнего про царскую особу. Мало ли кто сторонний прослышит — беды не оберёшься. А я пристрою коней в стойла, насыплю им овса и обещанную баньку проверю, — отправив братьев в горницу, Илья занялся хозяйственными хлопотами.

Когда он вошёл в дом, братовья уже перекусили и с интересом разглядывали разложенные на крайней лавке «талисамяны» деда Ерофея, которые Илья не успел убрать в сундучок.

— Хороша кольчужка, — потряхивал Мишка в руках восточный доспех, дивясь необычному голубоватому отливу плотно сплетенной в тонкие колечки калёной стали. — Как будто рыба чешуя на свету бликает. Жаль, по размерчику маловата. Даже на Фролку не налезет. А в бою бы от вострой сабельки она нас верно защитила.

— Точно так. Дед рассказывал, что от принятых этой кольчужгой сабельных ударов у него на теле лишь синяки оставались, — включился в беседу Илья. — Но вот когда его тяжёлым бердышом под селом Мурашкино вдарили, она чуток порвалась на предплечье, а его самого топор всё ж не порубил — лишь ключицу перешибло...

— Слышал, что в той бойне вашему деду не одним бердышом по плечу досталось. Павел Ерофеич рассказывал, что нашёл его к вечеру в

порушенной засеке среди мёртвых, без сознания, с пробитой головой, в луже крови...

— Да, ему повезло, что против повстанцев в том деле стояли в царёвых войсках вологодские стрельцы. Нашему батьке вовремя удалось найти среди них уж тогда ставшего пятидесятником Фёдора Кирилловича и твоего деда Михайлу. Они младшего братца не выдали палачам князя Долгорукого, выручили, тайком обрядили раненого в стрелецкий кафтан и скоренько отправили под приглядом сына на телеге домой, как своего бойца, с надёжной подорожной. Не то ведь мог он оказаться среди тех шести десятков пленных, кому прямо на месте головы срубили или петли на шею набросили.

— Это сокровенное семейное предание я помню. Но вот как Ерофей Кирилыч оказался тогда с дядей Пашей именно под Мурашами? — спросил всегда удивлявшийся переплетениям судеб общих предков Михаил.

— Под Мурашкино, дурень, — шутиливо хлопнул увальня Миху по богатырскому плечу улыбнувшийся Фролка и стал по порядку растолковывать полюбившиеся с детства дедовские похождения. — Так то ж есаула Ероху Пургу сам Разин послал поднимать на бунт северных крестьян. Дед по дороге от двигавшегося на Симбирск казачьего войска, где потом разинцев разгромили царские воеводы, пошёл в нижегородские земли через Воронеж. Там он закопал в тайном местечке свою долю добытых в Персии сокровищ и взял с собой оставленного у купца Горденёва сына Пашку. Они догнали атаманов Максима Осипова и Янку Микитинского ещё перед приступом Алатыря и до конца октября успели во многих успешных боях поучаствовать, пока не попали под удар собранного супротив них сильного войска. У деда, помнится, была грамотка тех времён. Как её тогда называли, разинское прелестное письмо... Да вот же оно. Спрятано от чужого глаза. Нашли бы его ярыги — не миновать деду лютой казни. Но от него тогда в суматохе отстали. И про отлучку долгую не спросили, и бывшие вины не вспомнили. Как же, слух-то прошёл, что он за батюшку царя свою кровь пролил...

Фрол отыскал на дне сундучка завернутый в плотную холстину потемневший от времени пергаментный свиток и попробовал прочи-

тать по складам каракули казацкого писаря-грамотея, по всему видать, тщательно выведившего текст с какого-то готового черновика и даже пытавшегося украсить буквицы замысловатой вязью:

«Гра-мота от Сте-пана Тимо-феевича от Ра-зина. Пи-шет вам Сте-пан Тимо-феевич всей черни. Кто хо-чет богу да госу-дарю по-слу-жить да и вели-кому вой-ску и Сте-пану Ти-мо-феевичу, и я вы-слал ка-за-ков и вам бы за одно измен-ников вы-ва-дить и мир-ских кра-ва-пивцев вы-ва-дить. И мои ка-заки ка-ко про-мысль станут чи-нить и вам бы итить к ним и ка-баль-ные и апаль-ные шли бы в полк к моим ка-закам».

— А вон, глядь, на обороте ещё приписка есть, лично для деда сделанная, — добавил более бойкий на чтение Илья, особенно гордившийся сей адресной персоналией: «Дана сия грамота есаулу великого казацкого войска Ерофею Пурге под городом Саратовом лета от Сотворения мира 7179-го».

— Как же так получается, матушки вы мои, вроде Разин против царя да бояр народ на войну повёл, а в грамоте своей пишет: «Хто хочет богу да государю послужить»? — не переставал дивиться Миха.

— Да это сказывалось нарочно, дабы не отпугнуть от бунта крестьян, которые верили в царскую справедливость, — врезавшимися в память дедовскими словами пояснил Фрол уловки хитрого донского атамана, а вприбавку к тому вставил полюбившуюся внуку присказку самого Ерохи Пурги, привезенную им из боевых походов: — Эвон как смекнул казак... Тогда с войском Степана Тимофеевича как будто бы шли сам царевич Алексей Алексеевич, на самом деле умерший в начале того года, и опальный патриарх Никон, который вовсе не вылезал из Ферапонтова монастыря, хучь казаки загодя упрашивали его переметнуться к ним.

— Между прочим, подходы в Ферапонтову пустынь подсказал казакам наш дед, — перебивая брата, снова встрял Илюха. — Он сказывал, что ещё до того, как ушёл вместе с Серёгой Кривым вниз по Волге догонять разинцев на Хвалыни, подробно объяснял в Паншином городке наряженным к Никону посланцам от Разина, как к нему добраться тайными тропа-

ми и кого вызвать, чтоб устроить с ним секретную встречу без догляда следившего за бывшим патриархом пристава. Те казаки звали Ероху Пургу с собой, но уж больно ему хотелось в персианских краях свою удачу спытать. А они добрались в Ферапонтово лишь к осени, когда дед вовсю махал сабелькой в Реште и Фарабаде. Сам так свою судьбу решил: пусть будет что будет.

— Уж вряд ли сам человек по собственной воле судьбой распоряжается. Матушки вы мои, она без всякого спроса своё гнёт — ноги сведёт, а руки свяжет...

— Не о том тебе толкуют. Чуешь, Миха, выходит, Степан Тимофеевич задумал войну супротив царя задолго до персидского похода, раз его люди за два года перед восстанием самого Никона на мятеж подбивали, — вразумлял троюродного брата Фролка.

Тут в горницу вернулась с охапкой дров Акулина Власьевна и погнала увлёкшихся беседой братьев мыться:

— Будя лясы точить, банька уж от жара ломится. Васятка от дыма её проветрил, воду согрел, веники распарил. Лёгкого вам пару, робятки!

Парни долго ждать себя не заставили. Не одеваясь, дружно сыпанули с крыльца в приземистую избёнку, из двери которой густо валил скручивавшийся от весеннего ветерка спиральными струями белый дым. Баня топилась по-чёрному. Но после проветривания угара в ней почти не чувствовалось. Под висевшим на длинном крюке слюдяным фонарём стояла бочка с холодной водой. Никакого металлического котла с кипятком на печи не было. Воду грели в большой деревянной кадке раскалившимися булыжниками, которые Васятка загодя таскал с каменки над очагом бучильными клещами, не забывая при том повторять заветный приговор: «С водой как хошь, но кадочку мою не трожь». Ладно сбитые шайки поменьше стояли на крепких скамьях вдоль противоположной от печки стены, в них уже запаривались мокрые берёзовые веники. Один веник лежал отдельно в уголке на широком полке, устроенном под самым потолком, где сидеть мужикам можно было только полусогнувшись.

В предбаннике разделись, сложив одёжу на лавках. Илья отдельно от своих отложил чистую рубашу и дедовы порты, развесил на вбитых в стену крючках из крепких корневищ четыре захваченные из дома полотенца.

— Для кого лишнее-то прихватил? — спросил Мишка.

— Это для нашего деда — таков у чудинов поминальный обычай, — пояснил Илюха. — Вряд ли на сороковины нам с Ерофеем Кирилловичем в его баньке попариться доведётся. Так хоть ноне, на девятый день, попросаемся с ним по-чистому, как положено. Когда париться будем, ты его веничек на полке не трогай... Ну, я первым зайду, запалю новую свечу в фонарике, чтоб вы сослепу о горячую печурку зады голые не обожгли. Вперёд, славяне! Счас чухари зададут вам жару...

Втроём в бане, конечно, оказалось тесновато. Здоровенного Мишатку, чтобы он не толкался и не задевал головой потолочные доски, сразу положили на полоч. Илья зачерпнул ковшом горячую воду из кадки, заправленной бабкой Акулиной душистыми лесными травами, плеснул из неё на каменку. Пар видимой волной с шипом ударил вверх, окутав сразу повлажневшие тела туманистой дымкой и шибанув в носы хмельным духмяном. В нагретом помещении вскоре действительно стало совсем жарко.

— Братуха, поддадим-ка сначала Михайле Фёдорычу, чтоб не занимал долго лучшее место, — предложил Фролу Илья.

Подбросив для верности на шипящие камни ещё одну пайку воды, братья принялись охаживать прикрывшего от жара уши ладонями Миху по всей его необъятной фигуре, едва уместившейся на просторной лежанке.

— Матушки вы мои, пожалейте, ради Христа! Ужо уши трещат и кожа разрывается... — наконец взмолился раскрасневшийся, как варёный рак, Мишатка. — Наверное, в геенне огненной прохладнее будет, чем в вашем аду. Жарьтесь тут без меня, черти чухарские. Прости мя, Господи, грешного...

Богатырь, согнувшись в три погибели, поспешно сполз на пол и в парных клубах вынырнул в предбанник.

Оставшись вдвоём, Фрол с Илюхой вдоволь

насладились любимым самоистязанием, то и дело поддавая парку и поочерёдно наявывая друг друга вконец излохматившимися, быстро потерявшими жухлую листву и согнувшимися от вялости голиками. Потом сами выскочили освежиться в предбанник, уступив Мишке место для мытья. Помылись скоро — ведь всё удовольствие северной бани именно в парилке.

Уже одевшись, Илья не забыл сказать напоследок:

— Наш дедуля паче всего прочего любил погреть на добром парку свои старые косточки. Как тебе, Ерофей Кириллович, по нраву ли прощальная баенка?

А затем, открыв дверь в парную, как сызмальства учил внуков дед, с поклоном добавил:

— Благодарствуем хозяину баенному и хозяйке баенной с детишками за славный пар, за тёплый приём, за ласку и добрую сказку!

Уставшие с дальней дороги парни, окончательно разомлевшие после бани, легли отдохнуть в горнице: Фрол — на Илюхиной лавке, Мишка постелил себе овчину рядом, прямо на полу. А Илья, немного погода и чуть поостыв, забрав приготовленные для деда чистые одёжи и полотенце, отправился через заливчик в ближнюю деревню, чтобы по чухарскому обычаю отдать бедным людям последний дар Ерофея Кирилловича.

Поминальное застолье

Возвратившегося в усадьбу Илью с нетерпением ждали отоспавшиеся братья, нагуливая разыгравшийся аппетит вокруг щедро накрытого стола. Стол стоял вдоль Илюхиной лавки наискосок от печки, торцом к углу с иконами и застилавшемуся на ночь ложу адива, или гостя, как называют у чухарей после похорон поминаемого усопшего. Столешница была накрыта праздничной белой скатертью, искусно вышитой по окоёму красно-коричневыми руническими узорами. На ней дымился поставленный в центре чугунок с бараниной, рядом — большая плошка пареной репы, открытый рыбник с судаком на длинной посудине. Из разной высоты глиняных горшочков выглядывали солёные огурчики и резаные бе-

лые грузди, крашенные в луковой шелухе варёные яйца и сами очищенные луковицы, густая сметана и жёлтые кусочки плававшего в холодной воде жирного вологодского масла, мочёная брусника и сладкая морошка. На плетёной из бересты корзинке над оставшимися с утра калитками грудой лежали ломти свежеспеченного ржаного хлеба, на широком блюде — стопка блинов. В печном углу высились две корчаги с домашним квасом и малиновой бражкой, чернолощёный керамический кувшин с овсяным киселём... На стороне покойного отдельно для него выставили блюдо с пышно намазанной сметаной, круто посоленной хлебной краюхой и чашечку с киселём, вместе накрытые большим румяным блином.

Пока Фрол с Мишкой спали, Акулина Власьева успела приготовить всё это угощение в своей избе, присоседившейся к хозяйскому дому и соединенной с ним внутренним переходом через сени и хозяйственные пристройки.

К поминальному столу также пригласили Васятку со старшей сестрой Дуняшей и их родителей — сорокалетнего сына Акулины Прохора и невестку Варвару, вместе со старухой поддерживавших порядок в усадьбном хозяйстве. Гости сели напротив братьев с другого края стола, к которому приставили скамью от дальней стены. Стряпуха пристроилась на табурете ближе к печке, потому как вольно рассевшийся на лавке рядом Мишатка занимал сразу два места, заслонив собой добрую половину окна. Перед каждым участником застолья стояли деревянные миски с резными ложками и керамические кружки. Для надёжного освещения сумеречной горницы зажгли не только лучины в кованых поставцах, но ещё две дорогие свечи ярого воска.

— Ну, детушки мои, давайте помолимся перед трапезой, — по старшинству взяла на себя обязанности распорядителя торжества баба Акулина, после прочтения «Отче наш» благословившая стол двуперстным крестным знаменем. — Теперь накладывайте себе кушанья по вкусу, наливайте кисель, а я первая поминальное слово скажу...

Сгорбленная седая вдовица придала изрезанному морщинами лицу подобающее скорбное выражение и со слезой в голосе запричитала:

— А-вой-вой, дорогой ты наш Ерофей Кириллович!.. Почто же ты ушёл от нас безвременно, на кого нас оставил горемычных? Как мы славно жили при тебе, соколик ты наш ясный — как за крепкою каменной стеночкой, беды и горюшка не ведая!.. Хучь сам ты немало лиха пережил, страдая немилосердно от тяжких душевных язв и кровавых телесных ран. Ой, как счастлив ты был коротко с подружкой моей Дунечкой!.. Но отняли у тебя любимую жёнушку бесы окаянные. И матушку твою Марфушку порубили жестокие ироды. И вся жизнь твоя оттого наперекосяк пошла. И бросился ты очертя бедную головушку смертушку себе искать во широком поле да волюшку вольную в незнаемой стране Муравии! Но берёг тебя Господь во всех суровых испытаниях, в битвах яростных, в болезнях и напастях... И в дальних персинских краях ты голову не сложил, и на буйной Волге-реченьке ворогом не посечен, и в нижегородских лесах от казни верной братцами был бездыханный чудесно спасён... Слава Богу за всё! Образулся ты, наш батюшка! Успел снова дело торговое наладить и сына Павлушку, приставив к нему, на ноги поднять. И внучата у тебя выросли удалые да смекалистые. Вижу зорким оком своим: возрастают Фролушка и Илюшка статью и норовом в тебя, Ерофеюшка. Значица, не зря ты на земле мытарился, а посему и загробные мытарства буде легче тебе пройти. Покойся с миром! Царствие тебе Небесное!

Все встали и молчком выпили поминальный кисель. А когда рассаживались, заёрзавший Мишатка локтем толкнул в бок Фрола и с нетерпеливым намёком повёл глазами на лежавшую между ними походную котомку. Впрочем, напоминание было лишним — Фролка, собравшись с духом, сам уж обращался к бабке Акулине с постыдным для староверов предложением:

— Разрешите нам, Акулина Власьева, деда Ерофея по-солдатски напитком покрепче помянуть. Мы тут с Михой по сему случаю захватили с собой полштофа сивухи. Дедуля ведь и сам, бывало, от неё не отказывался...

— Да, умел Ерофей Кириллович и крепкие вина пить, хучь запойное пианство не жаловал. Так что я вам, молодцам, не судия. Вы ему и роднее будете, и сами хозяева в этом доме.

Пейте что желаете, токмо меру знайте, — огорчённо махнула рукой старуха, доставая с висевшей близ запечья полки оловянные чарки.

Мишка мигом вынул из кожаной котомки деревянную баклагу и бережно налил в них пахучую зеленоватую самогонку. Однако ж Илья вслед за остальными гостями отказался от предложенного запретного угощения и отодвинул поставленную ему полную чарку на дедово место, под поминальный блин, ограничив себя выставленной строгой Акулиной ягодной брагой, по малой крепости сравнимой с тем же квасом.

— Дозвольте и мне вспомнить мово деда добрым словечком, — встал с лавки светловолосый сероглазый Фрол, от волнения теребя ещё невеликий, но уже заметный рыжий ус. — Поскольку отец наш был немало делами купецкими занят, мы с Илюхой всё больше под дедовым приглядом росли. Его добрые сказки, страшные былички и невероятные были с младенчества слушали. Его правду впитывали, как и молоко нашей матушки. Мы очень любили Ерофея Кирилловича и до сей поры им шибко гордимся. Мне, как старшему брату, досталось от него особое наследство — славное имя дедова побратима Фрола Минаева. Его Ероха Пурга заслони от удара вражеской сабли во время устроенной тогда персами нашим казакам предательской резни в заморском Реште. Деда в тот раз незадолго перед тем добытая им счастливая кольчуга спасла. Побратались они с героем-казакom кровью от ран, полученных в том бою. Потом они, защищая друг друга, бок о бок бились и в Фарабаде, и в турхменских землях, и на Свином острове, где сложил голову разинский побратим Серёга Кривой... А по возвращении в Астрахань Ероха, по наказу войскового есаула Ивана Черноярца, сообщая с другими сотоварищами уберёг Фролку от гнева самого Стеньки Разина, который спьяну собирался рубануть своего любимчика за его домогательства к персидской княжне. Помните, её опосля грозный атаман отдал в дар Волге-матушке... Аккурат по тому случаю, дабы промеж казаков опасного разлада не учинилось. И хучь не пристал Минаев к народному восстанию за волю всеобщую, но ратными делами своими подсказал нам другой путь честного служения Богу и Отечеству — верную защиту

православных земель от врагов. Эвон как смекнул казак... Нам с Михой вскоре предстоит именно сей путь христианских воинов. А на нём примером для нас станут крепкая дружба и памятные подвиги деда Ерофея и его побратима, донского атамана Фрола Минаева. Помянем их вместе. Вечная память!

Фрол с Мишкой дружно выпили свои хмельные чарки и, разогнав крепким зельем с новой силой прорезавшийся аппетит, жадно набросились на еду, уже мало обращая внимание на нарочитую сдержанность других участников застолья. Михя сначала смачно откусил половину солёного огурца, следом отправил в рот кусок горячей баранины с хрустящей луковичей, попутно продолжая начатую троюродным братом тему:

— Мои-то дед и тятя тоже ить атамана Минаева знавали, матушки вы мои... Вместе с ним они под Азовом сражались... Дедушка Миша там и остался... Погиб от басурманской пики восемь лет назад, когда сообщая с донскими казаками наши стрельцы брали штурмом азовские башни во время первого похода на юг царя Пётры... Михайлу Кирилычу сполнилось тогда уж шестьдесят пять годочков. Понятно, хучь и опытен был, да не столь расторопен, как в молодости. Тятка Фёдор Михалыч чуток не поспел его прикрыть от опасности, убивцу его срубил, да уж поздно... Пистолы-то у него разряжены были в бою... Там и схоронил отца своего, в чужой земелюшке... Вот как получается, вашего-то Ероху Пургу братья спасли под Мурашкином, и Соловецкое возмущение деда Миху посылали умирять — без единой царапины возвратился, и на тебе, под Азовом не поспел-таки увернуться от гибельной пики... Давайте-ка, матушки вы мои, помянем вместе с Ерофеем Кирилычем всех наших предков — и прадеда Кирилла Егоровича Оглобля, и сгинувший в жестокосердной Москве корень Фёдора Кирилыча, и мово геройского деда Мишу, и других родичей усопших... Пущай всем им земля будет пухом!

Раздухавившийся от печальной памяти Михя быстро плеснул себе и Фролке из стоявшей под рукой баклаги и тут же опрокинул чарку одним глотком. Сотрапезники поддержали его скороспелый почин, хоть немного путанный, но, по сути, верный.

После недолгого молчаливого поедания праздничной снеди, пока в головах собравшихся роились разбуженные поминальными речами мысли и воспоминания, разговор за столом возобновился и слово за слово стал общим. Особенно с того поворота, как Илья рассказал всем свой странный предутренний сон.

— От ить и впрямь дивлюся я столь разным судьбам сих трёх славных воителей, — вступил в беседу обычно не слишком говорливый Прохор, словно для убедительности выкатывая из больших белесых глазниц бездонные колодцы синеватых зрачков. — На что уж Степан Тимофеевич без того был вольный казак, но взял да на самого царя, на всё боярство толстопузое, на устои государственные бедноту за всеобщую волю поднял... За то народ его помнит и чтит, а вот церковь анафеме предала...

— То ж не наша церковь — никонианская, прости мя, Господи, грешную! — двуперстно крестясь, дёрнула щуплого мужа за рукав толстущка Варвара.

— Погодь, дай мыслью закончить, — отмахнулся Прохор. — От я и сравниваю. Тот же Фрол Минаев на большое восстание вместе с Разиным не отважился, а сколь в других бессчётных сражениях людей погубил. Враги они там, персы, татары, басурманы — не суть. Все — люди... А он ить крови их пролил немерено... Но душу свою, выходит, спас, коли успел перед смертушкой в монахи постричься...

— Шалишь, Прохор! Вспомни, что благоверный князюшка Ляксандра Невский тоже ворогов Руси ничуть не жалел, немало он их собственноручно посёк и на Неве-речке, и на Чудском озере, и в иных славных битвах. Когда же отравленный татарвой постригся в схиму, был по праву причислен к лику наших святых небесных заступников, — в защиту своего тёзки возразил вдруг осерчавший Фролка.

— Не о том толкую, Фролушка. Я ить к тому говорю, что неисповедимы пути Господни! — важно подняв указательный палец вверх и закатив глаза, со значительностью перешёл к изложению главной своей тезы редко высказывавший затаённые думы Прохор Силантьевич. — Нам, мирным чухарям, пахарям да лапотникам, вовсе невдомёк, как вообще люди убивать друг дружку могут. То ж грех великий, смерт-

ный, непрощаемый... А богушка простит его во власти своей! Вот я теперь о Ерофее Кирилыче скажу... Пряма не ведаю, как бы я сам пережил, ежели б мою матушку Акулину разбойник какой лютый срубил, ежели б мою Варварушку лихие люди обесчестили и у меня навеки отняли... Не приведи, Господи! Може, не дотянуться мне до решительного Ерофея, до смелости и дерзости его, до гнева, его ослепившего... Однако ж понять его могу. Жалею его по-христиански, бедолагу, и в своих молитвах смиренно прошу ему прощения. И мыслю так: коли в сердцах людских к человеку грешному понимание, жалость и прощение остаются, то и сам Всевышний должен его понять, пожалеть и простить! Мир праху Ерофеюшки!

Все снова дружно выпили, согласившись с тем, что всё-таки есть в столь непростых, выстраданных суждениях Прохора голая сермяжная правда. Илью это рассуждение повело дальше — в цепь доказательств привидевшегося ему во сне неперемного спасения мятежной души деда. Он с горячностью взялся обосновывать своё понимание ситуации:

— По моему разумению, на геенну огненную обречён всякий нераскаявшийся грешник. Если, конечно, сам Господь его не простит по особливому к нему расположению. Я тоже уважаю и люблю атамана Разина за помысл его праведный. И если Прохор прав, и так же, как мы, к Степану Тимофеевичу относится большинство православных, то он впрямь заслуживает прощения Божеского за грехи земные, вольные или невольные. Но с другой стороны, тут сумление покоя не даёт. По гордости своей великой, по несгибаемости характера, по полной уверенности в правоте затеянного им дела Разин в своеволиях своих ничуть не покаялся... Дескать, пусть будет что будет. Даже перед плахой он твёрд остался. А на спасительное богомолье в Соловки в третий разок сбежать уж не успел...

— Може, ему двух соловецких ходок сполна хватило, дабы вымолить себе прощение за все прегрешения? — вставил еретическую реплику не слишком богобоязненный Миха.

— Ты, Михайла, лучше помолчи малёк, а то договоришься невесть до чего, до энтих, как его... грязных индулигенций католических, —

строго осадил захмелевшего соседа серьёзно слушающий младшего брата Фрол.

— Ну да, индульгенции Православием осуждаются как неоправданная попытка обмануть самого Бога пустым земным откупом от нераскаянных грехопадений, — продолжил Илья. — Однако ж у Фрола Минаева и деда Ерофея было времечко исповедовать и отмолить грехи свои тяжкие. Не случайно же у славного казацкого атамана сама мысль такая возникла — непременно почить в монастыре. А вспомните нашего дедушку: когда он от ран оправился, сколько раз по святым местам хаживал... И до светлого Валаама добирался, и в таёжный Муромский монастырь, и в те же Соловки, и к нашим чудинским святым Александру Свирскому и Ионе Яшезерскому ходил... Не говоря уж про Ферапонтову и Кирилло-Белозерскую обители, на которые он паче иных щедро жертвовал со своих купеческих доходов. Посему, уверен я, заслужил Ерофеем Кириллович жизнь вечную и покойную. И Господь о том нам верный знак дал, приняв его душу аккурат в Великую субботу. Царствие ему Небесное! Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — порывисто встав, хором воскликнули сотрапезники, не забыв снова трижды похристосоваться со своими соседями.

Когда опять взялись за кушанья, неугомонный Мишка всё-таки ввернул ещё пару едких замечаний:

— Матушки вы мои, ты, Илюха, так горячо вещаешь о духовности, как проповедник с амвона. Неужли сам собрался в чернецы податься, чтоб нас, неразумных, на путь истины наставлять?

— Кто же загода судьбу свою знает? Ни от чего зарекаться нельзя. Все под Богом ходим. Ты ведь тоже сказывал, что постоянно вместе со своей матерью Царицу Небесную вспоминаешь, когда говоришь «матушки вы мои»...

— Пожалуй, да, присказка моя оттого пошла... Уел ты меня, братишка, — усмехнулся Миша. — А всё же деду вашему легко было потом по монастырям хаживать попутно с торговыми поездками да отщипывать толику на пожертвования от нажитого добра. Возросло-то оно, как на дрожжах, из несметных сокровищ, добытых в Персии, до срока спрятанных, а после вовремя откопанных и сбережённых от разора...

— Не завидуй, Миша, Ерохе Пурге, — опять стал увещевать закадычного приятеля-родича Фролка. — Во-первых, не такие уж несметные богатства ему достались после дележа обчей казачьей добычи. Так, что называется, небольшая кубышка со златом-серебром да побрякушки разные с драгоценными камнями... Во-вторых, благо то, что он не продуванил причитавшуюся ему долю добытого в кабаках, как иные отпетые питухи. Не промотал бездумно, не похерил подаренное ему судьбой достояние, но с умом его нарастил, отчего, не обижая себя и близких, получил возможность поелику помогать и бедным людям, и святым обителям. Эвон как смекнул казак!

— И то верно, к чему мне вообще на чужое добро зариться и чужой жизни дивиться... Свою-то не знаю как ещё проживу. И вспомнит ли кто меня добрым словом, как деда Ероху, — сдался наконец перед авторитетным словом Фрола поначалу всегда упрямившийся во хмелю Мишка.

Они вдвоём уже изрядно набрались забористой сивухи и от надоевших разговоров постепенно склонились к более лирическому настроению, которое выплеснулось вдруг в протяжную заунывную песню о беспощадных лесных разбойниках и их грозном атамане Кудеяре, нашедшем потом спасение души в иноческом служении Богу. Подхваченная остальными, старинная песня крепла, ширилась, рвалась наружу через приотворенную в сени дверь, оставленную для хозяина-адива, будто бы только что вышедшего из своей избы прогуляться во двор вечности...

Гой ты, воля-волюшка, манящая, желанная! Как любя, как сладка ты кажешься человеку бесправному, безответному, хлебнувшему лиха да горюшка, но вдруг сбросившему с себя хомут тяжкий, иго царских и боярских надсмотрщиков, лютых воеводских служек и дворянских опричников, лихоимных ярыжек-крюкотворов и вороватых монастырских доглядчиков... Тогда уж расправит человеке вольные плечи, станет сам себе хоть атаман, хоть князь: куда хошь — туда и лась. С тяжёлым кистенём или вострой сабелькой в рученьке удалой враз забудет, что был он такой-рассякой, сермяжный, армяжный да лапотный... В лесу ли глухом, в

шалашах на полянках укромных, в степи раздольной, на широкой реке или на просторах морских — всюду, где нет уж за ним пригляда начального, строгого, а то и вовсе жестокого, любой почует себя настоль свободно, что никакого наказания сурового за свои разбойные своеволия не чаёт, не ждёт, не страшится. А если кто встретится ему на пути из былых начальных людишек, так в самом свободном казацком сердце какое-то начало начальственное просыпается, душа мщением разжигается, злая ярая скрежетом зубовным будится — тут, глядь, ненароком и рука раззудится. В бою же нечаянно вовсе рубишься за вольную долю свою новую с отчаянием, напрочь забывая, что кровь супротивников будто водицу на землю сырую проливаешь, клинком беспощадным плоть живую, тело человечье вспарываешь, руки, ноги, головы безжалостно кромсаешь... Да в такой жестокой резне и свою кровушку нисколько не жалеешь, чтобы продлить мгновения уже испробованного на вкус сладкого свободного житья. А дальше будь что будет — как судьби-на сложится... Как Бог рассудит!

Отъезд

На следующее утро парни встали спозаранку, предвидя долгий путь. Без стороннего пригляда бегло помолились на красный угол, не утруждая себя чтением всего утреннего правила. Позавтракали оставшимися от давешней трапезы угощениями, которые бабка Акулина с вечера заботливо прикрыла чистыми полотенцами. Слезшие с тёплой печной лежанки Фрол и Мишка на сей раз не отказались от сладкой малиновой бражки, поправившей малость зачумленные сивухой головы. Заслышав движение в хозяйской горнице, из сеней скоро появилась ночевавшая в своей избе старая нянька, сразу взявшаяся собирать дорожные котомки и корзинки, укладывая туда узелки и туески с едой, баклаги с квасом и молоком.

Илья сложил в свой походный мешок завешанную ему дедом кольчугу, которую собирался подлатать у знакомого вологодского кузнеца, а кинжал сразу повесил на кожаный пояс. Соловецкую иконку Богородицы пред-

ложил взять с собой Фролу как оберег от предстоящих военных опасностей. Остальные талисманы из дедова сундучка увязали отдельно и тоже прихватили в Вологду, как наказывал Павел Ерофеич.

Основательность сборов натолкнула Илью на мысль, что все они, отъезжающие нынче из дедовской усадьбы, покидают её очень надолго. Быть может, навсегда. Поди ж знай, какая судьбина ждёт их впереди — на поле брани или на дальних купеческих дорогах. Оттого на душе стало неуютно, тоскливо, как в далёком детстве, когда из дома разом отлучались по торговым делам и батя, и остававшийся ещё в силах Ерофей Кириллович. Сердце защемило с такой остротой, что светлые глаза двадцатилетнего парня невольно затуманились. Приметивший растерянность младшего брата, Фрол ненароком толкнул его в спину и шепнул на ухо:

— Будя нюнить, братуха, не то совсем Акулину разжалобишь. Глянь, она же счас нам такой плач устроит, что мы от её слёз просохнуть не поспеем. А мокрых нас свежим ветром вернее застудит.

Старая чухарка действительно снова сморщилась всем лицом, как в давешнем своём слове-причитании в память о Ерофее.

— Власьевна, ты нас раньше времени не оплакивай, как покойников, — с напускной строгостью предупредил няньку Фрол, подпоясывая кушаком стрелецкий кафтан. — Проплачешься чуть погода, когда мы отъедем. Без того на душе кошки скребут, а с твоей горячей слезой в спину дорога вовсе может не заладиться.

— Нешто я вам зла пожелаю, детушки мои! — едва сдерживаясь, как родных, обнимала и лобызала парней старуха. — Да не оттого вовсе плач мой ноне радуничный, не вас я хоронить собралась. А потому плачу, что по своему здоровью ведаю, не дожидаться мне вас боле, не увидеть очей ваших ясных... Следом за дедом вашим пора мне погребальный саван готовить. Знать, не стренемся мы уж на этом свете, прощаемся до сретенья на небесах... Вспоминайте меня, грешную, хучь иногда добрым словом да честной молитвой. Ступайте с Богом! Доброго вам пути!

Совсем сгорбившаяся в прощальном поклоне бабка Акулина троекратно перекрестила уже

одевшихся братьев, топтавшихся на пороге с поклажей в руках. Они в ответ тоже неуклюже поклонились старой хозяйке и в смятенных чувствах вышли наружу.

Тёмную конюшню освещал факелом сонный Васятка, а Прохор возился с лошадьми. Оглянувшись на подходивших седоков, он приветствовал их смущённой улыбкой:

— С добрым утром и с праздником светлой Радунницы! Кони накормлены-напоены, в дорожку готовы. А уж седлайте их, робятки, сами. Я ить ваших особых хозяйских ухваток не ведаю да и чья где упряжь, не разберу... Разе Илье Павловичу помогу лошадку наладить. Верно, Илюха, на своём любимом Буцике поедешь?

— Куда ж я без него — никак тоже дедов подарок, — откликнулся Илья, подходя к норовистому вороному жеребцу с аккуратной расчесанной гривой, который, почуяв приближение хозяина, уже нетерпеливо приплясывал в стойле и фыркал в предчувствии скорого вольного скака.

Вообще-то, дед Ерофей, начитавшись в монастырской библиотеке о деяниях великого греческого полководца Александра Македонского, в честь его коня прозвал жеребчика Буцефалом. Но не склонный к высокопарности Илюха сократил кличку до ласкового Буцика, что всем больше приглянулось.

Братья взялись седлать своих коняг и пристраивать вокруг сёдел дорожную поклажу и кобуры с пистолями. Лоснившийся от заботливого ухода в отблесках факела Буцик, конечно, выглядел гордым красавцем в сравнении с более возрастным и спокойным Гнедком Фрола и серой Мишкиной кобылицей Ладой, столь же породной и крепкой, чтобы с запасом выдерживать вес своего седока. Да и сам Илья был одет поярче, чем братья-стрельцы, — в малиновый суконный кафтан с серебряными галунами и красные сафьяновые сапоги, на его плечи была накинута лохматая белая бурка, голову прикрывала такая же папаха. Словом, наряд был довольно броский, иноземный — из тех, какие Ероха Пурга видывал у южных горцев. Но, безусловно, удобный и вполне тёплый.

— Ты, Илюха, своим казацким видом да с таким гнутым кинжалом на боку всех монасей в Кирилловом монастыре распугаешь, —

связвил Миха, привыкший ограничивать себя форменным стрелецким обмундированием. — Бедные иноки, матушки вы мои, невзначай подумают, что к ним недобитые разинцы из окрестных лесов нагрянули!

— Не, Мишка, то совсем не казацкий наряд, — тоже подтрунивал рассмеявшийся Фрол. — Дед Ерофей сказывал, что у горских народов таких страшных разбойников абреками величают...

— А что сие словцо означает? — Михаил пылливо взглянул на Фрола.

— Ну, это что-то вроде отбившегося от стаи одинокого волка — то ли головорез, то ли сорвиголова, то ли голова садовая...

Илья обиделся.

— Сами вы головы садовые и дубины стоеросовые, — вскипел он в ответ на шутки. — Ничего не понимаете! Так же гораздо удобнее верхом ехать, чем в тяжёлой шубе или тесном тулупе. Бурка и от холода тебя прикрывает, и движения не сковывает. Руки свободными остаются, потому мне и кинжал легче выхватить, и пистоль достать. — Будто в подтверждение он выпростал руку из-под одеяния. — Не мешало бы для всей воинской конницы такую форму ввести. Помяните моё слово, когда-нибудь так и будет. Может, уж у царя Петра ума на то хватит. Ввёл же он для солдат новые добротные мундиры и новое вооружение...

— Царь Пётр много чего нового заморского вводит, да как бы сам дух русский из всех нас не повывел, матушки вы мои, — зло сплюнул в сторону Миха, для которого всякое упоминание о молодом государе отзывалось душевной болью.

— Будя спорить по мелочам. Пора в путь — светает уж! — обрубил затевавшуюся перепалку Фрол, выводя Гнедка из конюшни. Ненадолго остановился перед крыльцом, с которого провожали отъезжающих бабка Акулина, тётка Варвара и Дуняшка. Сняв стрелецкую шапку с куньей опушкой, трижды перекрестился и поклонился им в пояс:

— Спасибо дому сему! Не поминайте лихом, молитесь за нас... Даст бог, ещё свидимся...

Братья последовали его примеру, а затем, попрощавшись с Прохором и Васяткой, друг за другом повели коней в поводу по ледяной тропе через лахту. Только выбравшись на береговой бугор, они по-молодецки вскочили в сёдла, по-

махали напоследок в сторону покинутой усадьбы и сдержанной рысью двинулись по петливой лесной дороге, твёрдо наезженной до самого Кириллова монастыря. Там, на монастырском кладбище, землю под которое в складчину выкупили местные купцы, упокоился их дед.

Гость с севера

Гость с далёкого Выга Андрей Денисов заночевал перед Радунницей в доме вологодского купца Павла Белозерского, знакомого ему по торговым делам. Был он на семнадцать лет моложе хозяина, готовившегося встречать 45-летие. Но по стати они были схожи: оба среднего роста, крепко сбиты, русоволосые, ясноглазые... Разве что окладистую бороду Павла Ерофеича уже пробили серебряные нити седины, а круглая бородка более худощавого выговского большака по-молодому рыжела и курчалась.

Община беспоповцев раскольнической Выговской пустыни, расположенной в глухих северных лесах за Онего-озером, избрала Андрея Денисова одним из своих вожakov за сметку и недюжинные хозяйственные способности, которыми он немало порадел в обеспечении обители зерном, скудно рождавшимся на скупых таёжных подсеках.

Киновиархом Даниловского монастыря, давшим ему имя и духовно направлявшим единоверцев, оставался Даниил Викулин. Бывший дьячок Шуйского погоста с малолетства придерживался старинного поморского обряда, а потому сбежал от притеснений никониан к скрывавшимся в карельских чащобах твёрдо исповедовавшим дедовскую веру старцам. Вместе с ними он основал в 1694 году разросшееся к началу XVIII века скрытое от светских властей и церковников-реформаторов общежительство, или, по-гречески, — киновию. Деятельный восемнадцатилетний Андрей тоже приложил руку к созданию староверского поселения на Выге, собравшего поначалу до сорока общинников, но по юным летам ещё не мог претендовать на главенство, заслуженное им позже.

Денисов особо гордился именно тем, что монастырская община беспоповцев организова-

на в строгом соответствии с древними традициями пустынножительства первых монахов-христиан, которые на Руси со временем утратились. По его убеждению, это стало одним из поводов для раскола церкви и решительного отречения упрямых староверов-нестяжателей также от прочих никонианских реформ, проводившихся погрязшими в роскоши иерархами официальной церкви. Разговор на эту тему с семейством Белозерских у него состоялся накануне вечером, когда в купеческом доме тоже справляли девятины по усопшему отцу Павла.

— Паче прочих понимаю я батюшку твоего Ерофея Кирилловича в том, что не смог он преломить себя в ранних летах и принять монашеский постриг в Кирилловом монастыре, — говорил молодой гость хозяину, конечно же, как обычно, горячо упирая на свои незыблемые убеждения. — Ибо развращение нынешних монашей благами земными, щедрыми воздаяниями государей да бояр, алчное накопление земельных уделов, кабальных данников, осязаемых богатств антихристового мира — всё сие происходило на его детских глазах. И ни в коей мере оно не могло примирить искренность чистой веры с тяжкой скверной мирских злоупотреблений...

— А ить в начальные годы своего существования святая обитель Кирилла Белозерского была как раз твёрдым примером нестяжания, — напомнил Павел.

— К нашим праотцам, — убеждённо толковал не по годам мудрый Андрей Денисов, — истинным православным святым, в землях русских просиявшим, как и к первохристианам, ни у кого не может быть никаких претензий. Вспомним того же праведного преподобного Пахомия. Тринадцать столетий назад создал он в Египте первую киновию, коя стала примером для нашей северной общины. Мы строим жизнь именно по её уставу — соборно и бескорыстно. Никто из наших общинников не имеет права ничем владеть самолично. И пищу, и одежду, и орудия труда — словом, всё необходимое для жизни и работы на благо обители иноки от неё же и получают. Наша пустынь тем и сильна, тем и привлекательна для страждущих — общим радением на благо всех и общинной заботой о каждом...

— Сколько же у вас теперь народу на Выге собралось? — поинтересовалась любопытная супруга хозяина Ульяна Гордеевна.

— Не поверите! Почитай целый город в дремучей тайге вырос, с деревянной крепостью, со своими малыми посадами, с мастерскими ремесленников и прочим обширным хозяйством... Всего насельников уж поболее тыщи наберётся. И мужчины, и женщины есть, — удовлетворённо перечислял Денисов. — В основном, в работном возрасте. Да за престарелыми в своей богадельне приглядываем. Да младенцы появились. Теперь ведь не все у нас в монашеский постриг просятся. Иные миряне, бежавшие от боярской неволи, просто вблизи селятся. С надеждой на прокорм от общинных трудов. Но спрос за то со всех един: дабы устав наш и дедовские заветы строго блюли.

— Как же сам-то ты, Андрей Дионисьевич, к такому нелёгкому житию привык? — не унималась с расспросом хозяйка. — Поговаривают, что ты не простолюдин, а чуть ли не из княжеских кровей происходишь...

Андрей согласно кивнул:

— Вообще-то, родился я неподалёку от нашей Выговской обители, в Повенецком рядке. Отец мой Дионисий, прозванный Вторушиным, впрямь есть росток захудавшей ветви некогда именитого рода князей Мышецких. Но прадед во времена Смуты оставил наследные новгородские вотчины, дабы не покоряться захватившим их свеям, а батюшка обеднел совсем. Аж до того, что вынужден был собственноручно крестьянствовать в Заонежье. Его даже так в грамотах записывать стали — крестьянином-одноворцем. Сиречь, в крепость его, как дворянина, взять никому немочно, сам бы вправе крепостными владеть, да средств на то нетути. Однако же, спаси его Господи, воспитал он нас сызмальства по правилам древлецерковного благочестия и дал нам доброе домашнее образование. Вот мы с братом Симеоном да с сестрой Соломонией, чтоб не быть обузой семье, и подались в леса. И батюшка с младшим нашим братишкой Иоанном тоже к нам присоединились. Вместе стали свободными рабами Божьими, как все мы себя на Выге прозываем.

— А почему же торговлишкой занялся? — из-

далека повернул беседу в деловое русло ожидавший многообещающих переговоров хозяин.

— Ить ваши благочестивые старцы купецкое сословие не шибко-то жалуют. Тоже косятся на нас, купцов, как на слуг антихриста и мамоны. Обидно бывает слышать упрёки несправедливые: что будто бы все дела наши от лукавого.

— Тут, соглашусь, перегиб есть. Но и ты признай, почтенный Павел Ерофеич, что купец купцу рознь. Один только ради барыша неумеренного торговлю ведёт. Купит где-то товару негодного на деньгу, лишнюю полушку прибавить пожадничает, а продать норовит за рубль. Честно ли так прибыль на собственное благосостояние добывать? Не собирайте себе блага земные — вот как заповедал нам Сын Божий Иисус Христос в святом Евангелии.

— Видывал я, конечно, таких купчиков-хитроvanов. Но мы-то, грешные, по совести стараемся торговать, а всё ж хоть какой-то прибыток иметь должны. И в дело пустить, и семьям на прокорм, и на посулы всяким лихоимным служилым людям. Что тут греха таить... — заспорил опытный купец. — Иначе чего ж ради я буду зазря по свету мотаться в поисках товара подешевле, чтоб потом его по той же цене в другом месте продать, где спрос на него гораздо выше, а потому он вдвое или втрое дороже стоит? Доход не живёт без хлопот, а в убыточной торговлишке никакого проку нетути.

— Вот ты близко и подошёл к тому смыслу, какой вкладываем в торговое дело мы, выговцы, — Денисов постарался ответить обстоятельно. — Нам ведь там, в лесных чащобах, много чего для жизни не хватает. То, что своими руками соделати можно, мы, понятно, содеем. Но то, что от нас вовсе не зависимо, иными способами добывать принуждены. Для верности уразумей. Пашни мы уж расчистили свыше пятисот десятин. Да лугов столько же имеем на прокорм коровьего стада в сто двадцать голов. Однако ежели травку для своих коровёнок мы и на лесных полянках всегда накосим, то рожь и ячмень на наших каменистых землях не каждый год в достатке уродаются. С погодой не угадать. Климат северный — зяблый, строптивый, суровый... Бывает, поля в цвету градом побьёт, снегом придушит, заморозком выстудит...

— Это летом-то?! — ахнула от удивления обычно помалкивавшая при свёкрах невестка Лукерья. Её внимание постоянно отвлекал теребивший за материнский подол малыш Ерошка, уже соскочивший с мамкиных рук, но неустанно тянувшийся к привезенным благодушным гостем лакомствам: сладким леденцам, мягким пряникам и дивным по вкусу, пропитанным сахарным сиропом долькам цукатов.

— Да, уж в начале лета. На северах на сей счёт шутейную поговорку придумали: дескать, хорошо, когда лето у нас короткое, но малоснежное. Почитай, так оно и есть. Неурожай у нас обязательно случается через три года на четвёртый, а то и чаще или вовсе подряд. В иные годы собранного зерна на хлеб для всех насельников не сполна хватает. Живём вельми скудно. Посему соборно благословила меня община большаком на ведение хозяйства и хлебной торговли. Никак не прибытка или излишеств каких ради, а только для обеспечения пропитанием большого нашего семейства. Именно с того торгу начаша братству некое споможение чинити.

— Понимаю нужду вашу, Андрей Дионисьевич, — вернулся к главной теме почувствовавший следующий поворот беседы поднаторевший в торговых сделках Белозерский. — Положись на моё твёрдое купеческое слово: готов помочь единоверцам чем смогу. Без всякого расчёта на лишнюю прибыль, но с надеждой на то, что вы меня в убыток не введёте, в разоре по миру не пустите. По нашему скудному разумению, любое дело всё ж окупаться должно.

— Спорить не буду. Вам, мирянам, к нашему постничеству непривычным, впрямь, как птицам небесным, корм от Господа нужнее бывает. А своих иноков, коих к торговле привлекаю, я гораздо строже учу, по нашим давним северным заветам: купечествовати, а ничего не стяжати, торговати, а прибытков не собирати, много о куплях подвизатися, а сокровища себе не ожидати... Аще в заповедях святых Ефрема Сирина и Василия Великого указано сие верное средство для устройства праведной жизни: благопослушная торговля помогает напитать алчущего, одеть и накормить нищего.

— Не поверю, чтоб сам ты с твоим-то умом в ущерб своей общине купечествовал.

— Правильно, что не веришь, — легко согласился Денисов. — Подвести или обмануть общину я никак не вправе и в установленном порядке обязан держать перед нею строгий отчёт во всех расходах и доходах, о чём в книжечке заветной записи веду — кому за что дадено, от кого сколько получено, чего потрачено, по какой цене куплено...

— Ну, уж этому ты меня, Дионисьевич, не учи. Сами с усами. Знаем, как экономствовать и учёт вести, чтоб с дымом печным не вылететь.

— Наслышан я, Павел Ерофеич, о твоей хватке, расчётливости и честности. Посему и обращаюсь к тебе с предложением от всей Выговской обители — стать в Вологде нашим тайным коммерческим агентом, как нонче на европейский лад говорится. Знаю, надёжные грамоты на право свободной торговли от московской Бурмистерской палаты у тебя уже выправлены и на твоё имя, и на сынка твоего Илью Павловича. Прочные связи с низовыми городами хлебного Поволжья наладил ещё твой батюшка Ерофей Кириллович. Царствие ему Небесное! В сотоварищах у тебя тоже состоят достойные купчины из нашей староверской братии. О справедливой оплате уговоримся, не обидим. И добрую пушную рухлядь сможем взамен зерна поставлять, и крепкие кожи собственной выделки, и рыбку копчёную, и медь красную, которую сами добываем и плавим. А теперь ко всему прочему большое ювелирное дело затеваем. Пришли к нам давеча умелые мастера по тонкой скани да искусной зерни. Душа христианская радуется, глядячи на сотворенные ими осьмиконечные кресты, складни, оклады для икон и книг Божественных. Знать, нам кроме хлебца также самоцветные камни понадобятся на украшение сих культовых вещиц, кои будут зело потребны всей староверской Руси. Выгоду свою считай сам — с тем прицелом, что мы берём взаём от добрых людей из половины денег на торг. Так что, ударим по рукам о первом сговоре?

— Где наша не пропадала! Так ты сладко, Андрей Дионисьевич, напел нонче о выговских возможностях, что у меня аж слюнки потекли. Спаси и сохрани, Господи, не введи мя во искушение! Всё ж будем помнить, что уговор наш не только ради вящей выгоды, но и

для укрепления дедовской веры. Вот моя рука. Уверен, батюшка мой Ерофей Кириллович одобрил бы сие богоугодное начинание. Помянем его добрым словом.

— Да, о батюшке твоём, Павел Ерофеич, до сих пор добрая слава и в наших поморских краях сохранилась, — заверил Денисов. — Рыбари Нюхчи и всего Терского берега Беломорья знали его как честного купчину и душевного человека. О нём теперь точно можно сказать нашими заветными словами: на земле торговати, а прибыток на небесех стяжати. Помяни, Господи, свободного раба твоего Ерофея во Царствии Небесном! Аминь...

Вологда ждёт царя

Стой поры, как отбыл к себе на север Андрей Денисов, минуло больше недели. В самой Вологде снег почти стаял, хоронясь потемневшими проплешинами лишь в тенистых закоулках и в глубине сырых канав. Дороги заметно очистились от непролазной грязи, окаменело окрепли, но ещё не пылили. Освободившаяся от ледохода полноводная река вблизи устроенных по её пологим берегам скороспелых верфей стала быстро наполняться отменно просмоленными новодельными судёнышками, спешно строеными с начала года набранными на столь большое дело плотницкими артелями.

Немалый флот снарядили тогда в Вологде по государевым указам. Порядок их появления свидетельствовал о весьма тщательной продуманности никому ещё не понятного и по ходу событий уточнявшегося царёва замысла, который всеми строго исполнялся для какой-то тайной цели с чётко предусмотренным запасом времени. По первому указу от 31 декабря 1701 года заложили 100 дощаников и 20 барок с затребованной полной оснасткой: «с парусы и с якоря и с канаты и с верёвки и со всякими судовыми припасы для сплавления в них в г. Архангельск воинских снарядов и ратных людей». Подоспевший следом второй указ от 9 января неимоверно усложнил поставленную задачу: сделать дополнительно 225 барок «со всякими судовыми припасы, чтобы каждая барка поднимала четыре

тысячи пуд и чтоб строение их было окончено в марте месяце неотложно».

В марте же из стольной Москвы от Монастырского приказа наконец-то пришла прояснившая причину обширных и спешных работ грамота, адресованная Вологодскому архиепископу Гавриилу — о подготовке к приезду в Вологду царя Петра.

К концу апреля наполненный суетой ожиданий северный город напоминал потревоженный медвежьим вниманием пчелиный рой. Каждый день из столицы прибывали всё новые кареты с именитыми боярами и знатными иностранцами, включая посланников зарубежных держав, крытые возки с дяками и подьячими разных казённых приказов, телеги с обслуживавшей царскую свиту дворней и дорожными припасами, конные офицеры и пешие колонны солдат Преображенского и Семёновского полков... Стрельцов из Вологды вывели в ближние деревни, а на городских улицах привычными стали солдатские караулы в новоманерной форме: в приплюснутых чёрных треуголках и мундирах из толстого зелёного сукна, в красных долгополых епанчах и с грозными фузеями, пуще всего пугавшими зевак примкнутыми к ним начищенными до блеска багинетами.

Обычно принимавший знатных приезжих уютный Спасо-Прилуцкий монастырь на сей раз не мог вместить всех прибывавших из Белокаменной высоких гостей. Многим из них пришлось селиться в хоромах и добротных домах местного начальства и купечества. На постой к Белозерским встал солидный иностранец лет сорока. Представился гравёром Адрианом Шхонебеком. Приглашённый из Нидерландов самим государем известный художник-график возглавил созданную тогда при Оружейной палате гравировальную мастерскую.

В хозяйской светлице не раз заходили разговоры о скором приезде в Вологду царя Петра, о затеянных им реформах и непонятных замыслах. У Шхонебека иногда гостили состоявшие на государственной службе иноземные офицеры. Однажды двое из них допоздна засиделись за хлебосольным столом и, изрядно выпив принесенного с собой рейнского вина, разоткровенничались в распалившемся между

ними споре. Будто упрямые русские бояре, состязались они в своеобразном местничестве: дескать, кто из них стоит к государю ближе и лучше знает его планы.

Особенно хорохорился громогласный земляк художника капитан Питер ван Памбург, толстый самоуверенный детина с торчащими усами. Захмелев, он становился крайне несдержан, а порой просто невыносим даже для хорошо знавших его сослуживцев. Повод для гордости у этого бывалого и авторитетного морского волка, конечно, был, однако по свойственному ему неумеренному бахвальству он приписывал себе гораздо больше заслуг, чем имел на то оснований.

Принятого на службу в русский флот в 1698 году Памбурга назначили командовать «Крепостью» — одним из лучших построенных в Воронеже петровских кораблей. Год спустя на своём быстроходном 46-пушечном фрегате он доставил по Чёрному морю из Керчи в Стамбул чрезвычайное русское посольство, направленное для подписания мирного договора с турками. Но чуть не сорвал важную дипломатическую миссию, устраивая на палубе буйные кутежи с приглашёнными с берега иностранцами. Однажды, напившись до чёртиков, он приказал палить холостыми зарядами из корабельных пушек прямо в стамбульской гавани, чем вызвал неудовольствие самого султана.

А ему что с гуся вода, осталось потом говорить о своей решающей роли в конечном успехе посольства. По его словам выходило так, что переговоры будто потому и ускорились, поскольку напрочь раздражённые его необузданными действиями османы посчитали за лучшее завершить их без лишних проволочек, чтобы быстрее избавиться от беспокойного присутствия в Мраморном море вооружённого военного корабля русских с неистовым голландцем во главе. Хотя в действительности царскому посланнику Емельяну Украинцеву пришлось почти целый год уламывать султанских вельмож и для подписания соглашения о 30-летнем мире пойти всё же на значительные уступки.

В доме Белозерских капитан тоже не на шутку разгорячился в споре со своим новым знакомцем — французским дворянином де Герен-

ном. Капитан испытывал к нему чувство зависти за то, что тот на первом году службы в русской армии получил высокое звание генерал-инженера. Всегда аккуратного, щеголевато одетого Жозефа Гаспара Ламбера де Герена нанял для возникших с началом Северной войны фортификационных надобностей русский посланник при дворе короля Августа Второго князь Григорий Долгорукий по хвалебным рекомендациям хорошо знавших его польских военных. Случилось это лишь в 1701 году в Варшаве, потому француз ещё не имел возможности проявить свои способности.

Как раз в оценке применения собственных талантов, за которые они были приглашены на службу в Россию, иностранцы решительно разошлись в толковании целей нынешнего похода царя Петра в Архангельск. В присутствии любопытствовавшего разговором хозяина гости пытались говорить по-русски, а потому коверкали с трудом выговаривавшиеся слова чужого им языка.

— На мой разумений, наш сюзерен желайт укрепит свой норд порт и надёжна оборонит его от новыи атак шведска эскадра, — с трудом подбирая слова и нещадно нарушая правила малознакомой ему русской речи, убеждённо говорил Ламбер де Герен. — Потому я нушен ему там как мастейр на постройка крепость.

— Мастера там и без нас быть, и зольдат своих вполне хватайт, — чуть увереннее справлялся с русским языком более привыкший к нему Питер ван Памбург. — Год назад они шведский эскадра от Архангельску отбил без такой большой сила, коя туда пошойл с нами. На цель для оборон довольно было послать один Корнель Крюйс...

— О, я слышал об сей вице-адмираль много хорош слов...

— Ничего хорош в нём нету. Он пустой звон и обманшик, — вспылал Памбург, недолюбливавший Крюйса за успешную карьеру и особое расположение государя. — Ты же знайт, Адриан, он тоже называйт свой родина наши Нидерланды. Хотя сам норвег и без всяких слав служил в голландский флот.

— Не надо говорит плохо о Крюйс, Питер, — попытался успокоить соотечественника осторожный Шхонебек, всячески избегавший

участия в скандалах. — Признай, он моряк с большой опыт. И знайт толк в постройка корабль. Царь при мне ошен хвалиль его за большой работ на верфи в Воронеж, особенно за фрегат «Гото Предестанция».

— Крюйс не сам его постройль. Хотя ты, Адриан, рисоваль сей фрегат даше лучше, чем он есть. Вы видель гравюр наш знаменит мастер, месье де Герен?

— О та, месье Шхонебек — гранд артист, ошен больший ху-до-шен-ник...

— Я ещё умеи делайт географик карт. И уже знай, што царь Питер хошет, што я сделайт карта на низ река Двина.

— Эта твой задач што попутник ветер. Я думай, мой тёзок Питер идёт на ошен большой и опасный поход. Мы сами вместе с зольдат будем пойти от Архангельска города на самый шведский земля...

— Куда вам, горемычным, без привычки идтить по дремучим лесам и непролазным болотам — ноги собьёте или утопнете зря, а уж заплутае в чащобах наверняка. Пусть там близко видать, да далёко шагать, — со знанием дела степенно вступил в разговор помалкивавший до тех пор Павел Ерофеич, хоть и участвовавший в застолье, но ничуть не употреблявший хмельного зелья.

— О нет, вы не так меня поняль! Мы пойти не на земле, а на русский флот, под парус, — для вящего подтверждения своей догадки громко хлопнул в ладоши голландский капитан, обрадованный тем, что никто кроме него не смог уразуметь столь смелый замысел непредсказуемого в решениях царя Петра — внезапно ворваться с моря прямо на вражескую территорию и врасплох захватить шведскую столицу Стокгольм, пока главные войска короля Карла увязли в центре Европы. — Вот на што там нушен мы, моряки...

— Сумлеваюсь я, уважаемые господа иноземцы. Наш государь никогда не пойдёт на этакое безрассудство. Его сила здесь — в опоре на родную землю. Ближняя соломка лучше дальнего сенца. Даст бог, его величество придумает что-нибудь понадежнее. Царёв глаз далече сигает. А вы подождите пока со скороспелыми суждениями. И ради всего святого, не ссорьтесь по пустякам — как бы беды в моём доме не вышло,

— сказав своё веское слово и с поклоном перекрестившись, русский купец вышел из-за стола якобы по неотложным делам, тем намекая засидевшимся гостям о позднем времени.

Прибытие Петра Первого

Для приёма государя по его личному настоянию был отведен едва ли не единственный в Вологде каменный жилой домик вдовицы голландского купца Иоганна Гоутмана, где царь Пётр останавливался ещё в прошлые приезды сюда в 1692–1694 годах. Одноэтажный этот беленький домишко в три окна на каждой стене стоял недалеко от реки, посреди двора, окружённого хозяйственными постройками и другими жилыми строениями. В одно из них без возражений переселился с матерью и супругой Катериной Ивановной сын почившего голландца Иван Алферьев, посчитавший за великую честь уступить российскому самодержцу две так глянувшиеся ему светлые комнаты с привычным для него европейским интерьером.

Вологодское начальство, конечно, готовило пышную встречу Петру Алексеевичу и сопровождавшему его царевичу Алексею Петровичу, но избегавший тогда появления среди толпы народа государь прибыл в свою гостиницу украдкой. Сначала с вестовым прискакал царский фаворит Александр Меншиков, о котором давно говорили как о самом верном слуге и ближайшем товарище Петра. Он осматрел приготовленные комнаты, распорядился, что нужно ещё сделать, где поселить царевича с его воспитателями, как разместить свиту и охрану. А поздно ночью от стоявшей по дороге церкви Феодора Стратилата подъехали кареты с эскортом драгун.

Государь, привычный к дальним путешествиям и ночному бдению, соскочил на землю бодрый, одетый в походный офицерский мундир капитана-преображенца. Уснувшего в пути двенадцатилетнего Алёшеньку он приказал не будить и на руках отнести в отведенные ему покои, где также разместились наставники царевича немец Мартин Нейгебауэр и Никифор Вяземский. Они старались внешне не показывать, что на дух не переносят друг друга, отче-

го взаимно интриговали и часто ссорились. В других домиках остановились генерал-фельдмаршал Фёдор Алексеевич Головин и прочие приехавшие в свите ближние офицеры. С собой царь позвал одного Меншикова.

Высоченный Пётр едва не ударился лбом о притолоку, входя под сводчатые потолки приземистого домика. Сразу широкими шагами подошёл к натопленной голландской печке, облицованной изразцами, к которым приставил ладони для отогрева. Осмотрелся вокруг.

— Приятно видеть, Алексашка, знакомую с юных лет обстановку, — по-простому обратился царь к Меншикову, которого впрямь давно считал своим соратником.

— Да, мин херц, здесь мало что изменилось, — улыбочиво поддержал воспоминания сюзерена услужливый порученец. — По всему видно, что хозяева помнят о пребывании у них вашего величества и решили устроить в этом доме музей в вашу честь.

— С них станется. Вот же люди. Где ни ступлю, сразу окрест слухи расползаются: в этом доме государь останавливался, на этой кровати почивал, в этом кабаке отобедал, за этим столом водку пил, в этой кузне самолично молотом стучал по наковальне...

— Так ведь народу в диковинку ваше простецкое с ним обращение. Былых-то государей никто вблизи да без парчовых нарядов не видел. Всё только на троне да в золотых одежах...

— Ты что, белены объелся — тоже меня за нецарское поведение попрекать вздумал? — рявкнул Пётр, сверкнув глазами.

— Никак нет, мин херц, мне ваше поведение очень даже любо, — суетливо попытался исправить невольный промах испугавшийся вспышки царского гнева ординарец. — Да и народу простота гораздо больше по нраву, чем безответное упование на несбыточную царскую милость как на нежданно справедливый Божественный промысел...

— Врёшь, хитрюга. И бояре, и простолюдины волками на меня смотрят за то, что я с места помазанника божьего до самых низов спустился. Будто бы тем непорочную честь царскую уронил, замарал, в крови измазал... Я им что — целка старой девы, коя до смерти невинность блюдёт, если на неё никто не покусится?

— Не спорю, есть и такие глупцы, — потупив глаза, заметил Меншиков. — Но ведь умных людей теперь тоже довольно во всех сословиях. С вашим именем, мин херц, они связывают ожидания решительных перемен к лучшему — к пробуждению дремотной лапотной Руси и ее прорыву в ряд благоденствующих европейских держав.

— Умеешь ты, Алексашка, витиеватыми словами меня вылизывать, — немного успокоенный лестью, но всё ещё возбуждённо продолжал царь. — Хотя сам знаешь, что на площадях, на папертях, даже в иных боярских родах меня кланут почём зря. Спят и видят моё скорое падение, если невмочь мне будет одолеть свейского братца Карлуса.

— Ей-богу! Не вру я, Пётр Алексеевич. За других-то самодержцев только молитвы народ шептал, а о вашей персоне уже при жизни легенды складывает. Точно-точно, где вы только ни появитесь, слово какое скажете или сделаете чего, так тот эпизод сразу сказами былинными обрастает про невиданного досель царя-работника, который умеет ценить мастерство и сметку простого человека и сам трудов тяжких не чурается.

— А ну-ка расскажи для подтверждения какие-нибудь анекдоты. Может, уже вологодские байки слышал? Только давай к столу сядем, перекусим с дороги. Вижу, что с угощениями ты расстарался на славу. Знал, чем ублажить, чтобы мне слушать было аппетитнее, — Пётр налил себе из серебряного кубка чарку любимого им венгерского вина и на закуску руками отломил от выставленной на большом блюде румяной курицы мясистую ножку. — Присоединяйся, Данилыч, по-свойски, тут чужих глаз нет.

Меншиков осторожно сел на стул напротив государя, отхлебнул глоток налитого себе золотистого токая, но к еде не притронулся, а достал сложенные вчетверо листики из-за красного обшлага офицерского преображенского мундира, который в отличие от простого петровского был украшен золочёными пуговицами, галунами и кистями. На этих шпиргалках он для памяти успел сделать пометки о ходивших в народе байках про приключения российского властелина. Ведь загодя знал бес-

тия, что зайдёт о них разговор. Повернув записи к свету свечей, он начал перечислять помеченные эпизоды:

— Поверь на слово, государь, о тебе уже десятки историй сочинили да ещё с разными вариациями. Иные чистая выдумка, но есть такие, о коих сам вспомнишь...

— Да читай уж, не томи моё любопытство. Сам разберусь, где сказка, где быть.

— Ну вот, например... — углубился в свои записки поручик. — Помнишь, Пётр Алексеевич, как мы с тобой по вологодским краям в былые годы хаживали. Однажды, значит, был ты на реке Вытегре в деревеньке Вяньги и ненароком, оставшись один, уснул на Беседной горке, а камзол с себя снял и рядом положил...

— Точно, — ухмыльнулся Пётр, — был у меня тогда нарядный лиловый камзол с серебряным позументом из цветов да листиков. Проснулся, а его след простыл — умыкнули ворюги вытегорские.

— О том и сказ, — обрадованно поддержал Данилыч воспоминание самодержца. — Ты тогда прозвал их за кражу «воры-вытегоры, камзолщики» и велел эти слова на отлитой из большущей сковороды медали начертать да ту медаль в ближней часовне повесить.

— Делать мне больше нечего, только медали для воров отливать... Там же иначе казус закончился. Помню, ушлый мужичок, который камзол утащил, узнав, что самого царя обокрал, с повинной явился. И всё жалился, что хотел из глянувшейся ему лазоревой ткани красивых шапок для своры своих детишек нашить. Глянул я тогда на его нищее семейство да пожалел бедолагу, простил и одежду ему оставил. Будто бы мне надеть нечего?

— Такой вариант тоже в памятке моей отмечен — о великой щедрости и милости царской. А ещё то, что ты тому мужику, коего в свой камзол обрядил, будто бы фамилию новую дал, назвал его Обрядиным. Так она за семейством евоным и закрепилась.

— Это, видать, его соседи так за сей счастливый случай прозвали, — улыбнулся Пётр.

— Ещё будто бы название той Беседной горы произошло как раз от того, что ты, государь, беседовал там по душам с местными стариками и запомнился им своим добрым нравом и

мудрыми высказываниями. А ещё будто бы и само понятие «вытегра» от тебя пошло, когда ты тамошним купцам за их лихоимство сказал: «Вы — тигры!» Или точно так же, но уважительно отозвался о трудолюбии встретившихся тебе работных людей...

— Ха-ха-ха, эка хватило. То ж река так издревле называется, — царь от пробившего его смеха чуть не поперхнулся глотком венгерского.

— Оказывается, ты, государь, ещё и другое наименование в обиход ввёл — «тотьма», — всё увереннее чувствовал себя Меншиков в роли сказителя. — Помнишь, на Сухоне по возвращении из Архангельска мы останавливались обедать на большом каменном острове посреди реки. В половодье-то только верхушка его на поверхности торчит, а со спадом уровня воды он выступает обширно. Так теперь тот остров Царским столом зовётся. И ты, будто бы глядя во время обеда на дремучие леса по берегам, сказал о них: «То — тьма». Теперь где-то в тех местах поселение с сим именем основалось.

— Вот уж придумают невесть что. Припишут лишнего — оглянуться не успеешь, как в истории наследил.

— Отмечены у меня и вполне содержательные случаи, — увлечённо продолжал царедворец. — О том, как ты с могучим кузнецом силой мерился. Ты, дескать, его подковы гнул, пока он добрую не выковал, а он потом твои серебряные рубли, данные ему в оплату, запросто ломал. И ты его, значит, за ответный сей смелый жест ничуть не наказал, а оценил по достоинству, поблагодарил за урок и щедро наградил... Или о том, как ты отстранил от управления карбасом рассердившего тебя лоцмана на той же Сухоне и велел его за борт выбросить. А тот плыл следом и всё продолжал криком подсказывать, как правильное судно вести, чтобы на мель не сесть. И ты его простил за верность да сметку и тоже щедрой награды удостоил... Или совсем реальная история рассказывается о том, как ты на Белом море чуть не помешал кормщику Антипу Тимофееву яхту мимо скал провести. Он тебя тогда от руля резко оттолкнул, чтоб кораблик от крушения спасти. Но ты за то не обиделся, опять же не высек строптивца за неуважение к царской персоне, а, напротив, одежей своей шкиперской пожаловал и от монастырской кабалы освободил.

— Да, сия оказия вправду случилась, когда я первый раз на Соловки по морю ходил под парусом. Что ж, выходит, вроде как без осуждения обо мне в народе говорят? — ожидающе взглянул Пётр на ординарца.

— Какое осуждение, Пётр Алексеевич? С превеликим почтением. И с огромной надеждой на то, что столь милостивый да расторопный царь во всех государственных делах будет справедлив да удачлив, — не жалел лести приободившийся сказитель..

— Твои бы слова да богу в уши! И заодно всем московским жителям, от коих я только и жду какого-нибудь подвоха.

— Перемелется всё, государь, мука получит-ся славная, из которой мы добрых хлебов напечём. Глянь, как уже многое изменилось с потешных времён...

— Кстати, Данилыч, помнишь, именно Вологда стала тогда поворотом от былых потех наших к большим делам?

— Мне ли не помнить! Как раз десять лет назад, забросив игры на Переяславльской верфи, ты сначала нацелился на здешнем Кубенском озере флотские манёвры отрабатывать. Но, когда убедился в его мелководности, перенёс интерес на строительство настоящих морских кораблей в Архангельске, а потом — в Воронеже супротив турок.

— Вот и теперь наступает ещё более переломный момент, — насытившийся Пётр поудобнее устроился на лавке, неспешно раскурил походную трубочку и, пристально взглянув на собеседника, наконец решился на откровенное признание, смысл которого по возможности утаивал даже от своего ближайшего помощника. Однако и на сей раз он не стал выкладывать свою идею сразу, а решил наводящими вопросами проверить, есть ли опасения в том, что кто-то мог разгадать его истинные намерения. Повернувшись вполоборота к окошку, за которым мигали факелы гвардейских караулов, царь краем глаза внимательно присматривался к реакции Меншикова на свои слова:

— Как сам-то думаешь, Данилыч, чего ради мы попёрлись нынче в Архангельск с пятью батальонами самых верных солдат и с такой огромной свитой?

— Мин херц, я же слово в слово помню твой

указ, который собственноручно писал до передачи его дьякам для отсылки. Там в точности так было сказано: «для нынешнего военного с швейским королём случая и неприятельских людей внезапного приходу к Архангельскому городу водяным путём».

— И ни у кого не возникает сомнений, что в том указе я для отвода глаз мог рескрипцию сию внести?

— Откуда сомнениям взяться, если твой посланник в Голландии Андрей Артамонович Матвеев в своём донесении сообщил, что шведская эскадра собирается нынешним летом повторить неудавшееся в прошлом году нападение на Архангельск?

— Сопоставь-ка по времени, когда то донесение из Голландии доставили и когда мы стали к своему походу готовиться? — хитро прищурившись, спросил царь.

— Ну, кажется, в марте та дипломатическая почта пришла. Все тогда стали живо обсуждать возникшую угрозу. Да ещё немало удивлялись твоей, мин херц, прозорливости по заблаговременно начатой подготовке к отражению неприятельской атаки...

— Точно так! Заметь, слухи о возможном появлении шведов на дальнем севере широко распространились гораздо позже. Сначала я отправил сюда собирать стрельцов Афоньку Бренчанинова и разослал указы в Вологду о скорейшем строительстве флота для переброски в Архангельск ратных людей, а потом и многочисленной свиты. Почему так? И зачем, по-твоему, я потащил туда с собой кучу бояр и зарубежных посланников?

— Нешто тебе, государь, святое видение было, раз ты раньше угадал затею Карлуса?

— Не будь дурнем, Алексашка! Ляпнешь где-нибудь этакую глупость про святое видение, а его тут же в исторические анналы занесут. Стыда потом не оберёшься... Вникни в суть: я сам своими действиями сию затею Карлусу подсказал. А он на мой подвох купился и сам стал поддерживать обманку о якобы готовящейся к штурму Архангельска эскадре. На деле же, уверен, никакой баталии там нынче не будет. Но все вокруг должны быть убеждены, что именно такая угроза меня больше всего пугает и заботит. Что в ожидании её я пробуду

на севере до глубокой осени и дам возможность брату Карлусу спокойно повоевать против моего союзника короля Августа в Польше и Саксонии. Пусть сопровождающие меня дипломаты, все шпионы и наши собственные изменщики успеют написать своим адресатам достоверные депеши о моём твёрдом решении именно оттуда, из Архангельского города. Вот для чего я взял их с собой.

— И, наверное, ещё для того, чтобы они на Москве в твоё отсутствие воду не мутили? — вставил Меншиков, показав, что какие-то соображения у него всё-таки есть.

— Верно, мне только бунта очередного за спиной не хватает...

— Да ещё в решающий, в самый ответственный момент!

— Ах ты, плут! Выходит, мой замысел для тебя не тайна вовсе? — раскусил наконец Пётр словесную игру верного товарища. — Признавайся как на духу, Данилыч, о чём имеешь свои догадки, откуда их вывел, кто ещё может их знать?

— Да ей-богу, Пётр Алексеевич, ничего я толком не ведаю, — мелко крестясь, отступил от грозно надвинувшегося на него с топорщившимися усищами царя нарочито испуганный поручик. — Просто я же всегда рядом с тобой — глаза мои что-то видят, уши слышат, но уста на крепкий замок заперты. Будто я закона не знаю: божьи дела проповедуй, а тайну царёву храни...

— Повторяю, говори без утайки, что и как по случаю выведал? Может, прошу из милости, как того вытегорского камзолщика.

— Ну, однажды я призадумался, мин херц, отчего ты часто засиживаешься над трактатом архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия о трёх путях в свейскую землю. Вот уж мудрая у него голова! Худого не присоветует. Сообrazil я тогда скудным умишком своим, что не случайно владыка прислал тебе свои изыскания почти сразу после Нарвского разгрома. Верно, подсказку какую придумал. И вижу, что ты, государь, тоже с большим вниманием отнёсся к его запискам, прячешь их от всех в секретное местечко, потом снова перечитываешь, какие-то пометки делаешь... Словом, запало что-то важное в твою светлую головушку. А уж

когда ты и от меня созревший в тебе замысел утаивать начал, я ещё внимательнее стал приглядываться к твоим распоряжениям, указам, попыткам к осуществлению даже не состоявшихся по разным причинам действий...

— О каких это ты несостоявшихся действиях толкуешь?

— Да хотя бы о твоём намерении нынешней зимой штурмовать по невскому льду Нотебург, — напомнил Меншиков. — Ты ведь всерьёз на сию мысль запал, с близкими воинскими начальниками советовался, долго и подробно обсуждал планы подхода войск, обеспечения их всем необходимым снаряжением, детали строительства штурмовых укреплений, удобные места сосредоточения артиллерии... Тогда ты даже нового генерал-инженера Ламбера де Герена к себе вызывал и озадачивал подготовкой к приступу. Но потом от того почина вдруг отказался и аккурат взялся готовить поход в Архангельск. Как сейчас помню, ты же до марта фельдмаршала Шереметева той задачей в напряжении держал, пока по каким-то соображениям не передумал. А я уж заприметил, государь, если ты что-то серьёзно задумаешь, то никак не отступишься. Только по-иному дело повернёшь, чтобы оно надёжнее сладилося. Не верю я в те бредни, что ты два северных маршрута в свейскую землю выберешь — по морю и напрямки по тайге. Там мы себя от России отрежем, что равносильно самоубийству. Значит, остаётся третий подсказанный преосвященным Афанасием вариант. Как его в воинской науке называют — скрытный обходной манёвр... Правильно я, значит, понимаю: цель остаётся та же — Нотебург?

— Умный ты чёрт, Данилыч. За наблюдательность и безупречную логику хвалю, — Пётр миролюбиво потрепал Меншикова по плечу, не скрывая восхищения талантом своего приближённого, из простого торговца пирожками выросшего в опытного царедворца. — Но если ты об этом кому проболтаешься, поверь, язык отрежу. Именно от скрытности сейчас конечная наша фортуна зависит. Пусть Карлус думает, что обманул меня, пусть поглубже втянется с основной своей армией в войну с саксонцами и поляками, пусть увязнет там до распутицы. А мы его сами за нос проведём. Как снег на голо-

ву обрушимся всеми силами на сей зловерный Нотебург. Он у меня костью в горле торчит, дорогу к Балтике перекрывает. Зимой почему его штурмовать не решился? Не оттого, что нагрянувшая посреди января оттепель лёд в Неве подмыла. Крепость сия, надо признать, зело сильная. Вдруг бы с ходу не взяли, тогда в осаде без тёплых квартир войско своё зря поморозил. Или вовсе бы сгубил в баталиях со свейскими подкреплениями из Кексгольма, Ниеншанца и Выборга. Расчёт на внезапность тут мог не оправдаться. А нам никакой конфузии допускать боле немислимо. Бить надобно наверняка, не оставляя противнику ни единого шанса... Знаешь, кстати, как сей город у новгородцев прозывался?

— Кажется, Орешек.

— Вот мы сей орех и попытаемся скоро разгрызть. Окончательно и бесповоротно.

— А ну как Август под натиском Карлуса не выдержит, капитулирует и нас одних супротив всех свейских войск оставит?

— Я Августу на подмогу стрелецкие полки посылаю. Для того их и собираю, чтобы последний раз послужили Отечеству в славном ратном деле, отвлекли на себя шведов в приграничных польских землях. Да и частям новой армии приказал постоянно тревожить шведские гарнизоны и в Лифляндии, и в Приладожье, дабы по возможности подальше отодвинуть подкрепления свеев от Нотебурга. Пусть для виду прежняя позиционная война привычно продолжается. Пока мы могучим кулаком в намеченном месте не ударим.

— Мин херц, уж не знаю, какую ты всё же от Архангельска обратную дорогу выберешь, чтобы к Нотебургу нежданно подойти. Однако не мешает подумать, как на этом этапе тоже засекретить движение нашего войска.

— Тут ты прав, Данилыч, — царь в самом деле ненадолго задумался в поисках решения задачи и затем продолжил: — Надобно надёжно перекрыть от всяких соглядатаев все возможные пути до Ладоги. Об этом я на досуге поразмыслю. А ты подбери для такого дела расторопного офицера. Желательно не из наших изнеженных боярских детей. Тут кроме желания, верности и рвения ещё физическая крепость, выдержка, терпение потребуются. Лад-

но, на сегодня хватит. Давай-ка соснём чуток. Скоро нам снова с тобой по Вологодским краям помотаться придётся. На пару недель здесь задержимся. Дальше тронемся в середине мая, когда уж и северные реки ото льда очистятся.

Купеческая сметка

Ближе к середине мая Павел Ерофеич снова встретился со своим двоюродным братом и сотоварищем Захаром Авдеевым. Они сели за широкий стол в задней горнице стоявшей на оживленной торговой площади лавки Белозерских, чтобы обсудить завершавшиеся хлопоты по снаряжению хлебного обоза в Даниловскую обитель. Оба купца не скрывали приподнятого настроения. Торговля их за последний месяц шла бойко и удачно, настолько велик был спрос на продовольствие съехавшихся в Вологду гостей.

— Верно говорится: хорошо дёшево не бывает. Мясо и рыба у меня почти кончились. Молоко, масло, творог, яйца — всё, что мои поставщики из деревень привозят, влёт уходит. Квас совсем иссяк, морсы едва варить успеваем. Мёд и соль тоже на исходе. Муку скоро по сусекам мести будем, — радостно скалясь, перечислял приметы своего условно бедственного положения шебутной Захарка. — Ежели москвичи у нас задержатся, как бы не пришлось пустить в оборот выделенные для даниловцев запасы зерна.

— Окстись, Захар Николаич! Негоже нам купецкое слово рушить. Тут дело не продажное, а заветное. Хотя вижу по довольствию на твоём лице, что ты, как обычно, шутикуешь, — улыбнулся Белозерский. — Небось, за месяц полугодовой навар взял?

— Ближе к тому, потому и впрямь шуткую, Павел Ерофеич. В кои-то веки ничего от порчи выбрасывать не довелось. Всё уходит с невиданным прибытком. Но всё-таки надеюсь, ежели у меня какой товар поиздержится, ты же выручишь по-братски? Ты меня знаешь, верну сторицей. Свои люди — сочтёмся.

— По-братски, оно, конечно, выручу. Да сам понимаешь, цена по товару и товар по цене, по-сему наценочку тады к выгоде своей всё ж сде-

лаю. Зря, что ли, я заранее готовил закрома к сему нашему из Москвы, о коем с января известия до нас дошли, — Павел, пряча усмешку в кулак, хитро взглянул на сразу посерьёзневшего партнёра. — Да не журишь ты, Захар. Это теперь я пошутковать удумал. Тут нам не придётся с тобой ничем делиться и ссориться. Царская флотилия уже готова к походу. Через день-другой выступит. Надесь на пиру у преосвященного Гавриила о том было твёрдо сказано. Погулял государь по нашим краям, осмотрел свои владения, намылил шеи нерасторопным целовальникам, порадел за мастеровых людишек, дабы новыми сказами в памяти народной отметить, да теперича только попутного ветра ждёт.

— На кой ляд ему попутный ветер? Когда вниз по течению да с добрыми гребцами на вёслах все его кораблики быстрёхонько до Сухоны долетят, — вновь повеселевшим голосом вернулся в разговор Захар.

— Гребцы у него и впрямь хорошие. Наш-то владыка Гавриил давеча засмотрелся на дружную вёсельную работу преображенцев бомбардирской роты, кои шли на государевых шлюпах, да так расщедрился, что выдал Ивану Денисову со товарищи 5 рублёв на двадцать человек. Они ко мне в лавку заходили отовариваться закусью, а сивуху в соседнем кабаке брали цельными корчагами. И всё в шатры свои потаскали, что вдоль кремлёвских валов стоят. То ли ноне на долгом постое у них дисциплину послабили, то ли отличившимся гвардейцам поблажку сделали перед следующим рывком на вёслах...

— Да уж, редкая удача солдатакам улыбнулась. Обыкновенно преосвященный всё больше для высоких особ старается. Он же лонись тем у великого государя похвальную грамоту себе выхлопотал, что из собственного дома 200 пудов котловой меди на пушки отдал вдобавок к церковным колоколам. Хороши запасы у бедного слуги божьего?

— Не судите, да не судимы будете! Простим, брат, владыке Гавриилу те его накопления, кои он добровольно пожертвовал на алтарь Отечества. Ты вот лучше послушай, чем он потчевал государя-батюшку на данном ему 12 мая обеде, — Павел Ерофеич достал из-за пазухи небольшой свиточек, который раздобыл через про-

нырливых приказчиков, наладивших связи с подворьем архиепископа, чтобы при случае тоже своевременно предложить туда срочно затребованные товары. Расправив запись на столе ладонями, купец стал выразительно перечислять поставленную к торжественной трапезе снедь, дивясь размаху царского пиршества, в общем-то, по-походному довольно скромного: «...два калкуна, шесть индеек, пять гусей дворовых, 24 гуся диких, заплачено домовым крестьянам за 21 барана, рыбы живой 11 лещей, 70 щук-колодок, 45 язей, 125 щук и 125 язей живых, 90 окуней, 18 фунтов икры...»

— Слышал, что лещей, щук-колодок и язей поставил Ванька Шитиков за 2 рубля 26 алтын и 2 деньги... А Иван Рынин чёрную икру продал аж за 13 алтын...

— С живой-то рыбкой, признаться, я тоже чуток подсуетился, вовремя предложил из свежего поступления через ближних к архиерею людишек. Между тем Рынины на нынешних поставках по случаю приезда государя покруче иных заработали. Старший-то Иван ещё на конюшню дал для царских выездов 9 сёдел, 10 уздечек, 4 крыльца к сёдлам, 17 упряжей, 8 железных стремян да осьмерых своих прислуг приставил в помощь... За всё ему заплачено 10 рублей и 5 алтын. Ну и сынок рынинский Ванька Нефёдов не промахнулся с доходом — за 14 четвертей пивного солода 7 целковых оторвал, считай, взял по полной мерке. На то и нужен вброс, дабы уважить спрос.

— А Петька Дышев сказывал, что мёду и перепущенной патоки на 9 рублёв продал! Кстати, 2 пудика медку Петруха перед тем у меня покупал на четверть дешевле. Даже Васька Сидоров умудрился всучить для архиерейского пиршества за 1 рубль 15 алтын и 2 деньги залежавшиеся у него с осени 6 глиняных немецких кувшинов с оловянными крышками, 1 хрустальную и 2 стеклянные сулейки. И сопровождающим государя дворцовым поварам Ивашке Петрову со товарищи отдельно дадено за работу на царском обеде цельных 4 рубля. Откуда у Гавриила столько деньги завелось?

— Да то наш богачей Гришка Оконнишников расщедрился, добавил денжат в Гавриилову казну из своего немалого прибытка. Он же на себя оторвал подряд по снабжению продо-

вольствием расквартированного в Вологде войска. Вот и ссудил с дохода Софийскому архиерейскому дому 57 рублей под будущий расчёт и сам две бочки рейнскова вина поставил с отсрочкой платежа. Да третью бочку сего вина какой-то домовый крестьянин по найму стряпчего Ивана Сечихина из Москвы привёз.

— Серёге Лукьянову тоже за его ткани отстегнули 2 рубля и 16 алтын. Владыка купил у него 3 аршина красной тафты, пол-аршина атласу и четверть аршина тафты жёлтой, кои держаны на образы, складыванные в раздачу ради Благословения великого государя, царевича и бояр...

— Царевич Алексей ко всему прочему получил в подарок от преосвященного Гавриила кубок «серебряной золочён, промеж поддоном и верхом персоне человечья, весу в нём фунт без двух золотников».

— Знатный подарочек, дорогущий, нам такие вещицы не по карману дарить...

— Больше-то расходов на приём царя и его свиты с их скорым отъездом у владыки не предвидится, посему в хозяйственной книге архиерейского дома уже подбиты произведенные по сему случаю траты — всего на 132 рубля и 22 копейки!

— Хорошо погуляли гости дорогие. Я целую говяжью тушу за полтину с прибытком продаю и на жизнь не жалею. А тут этикие деньжищи вчистую потрачены. Да прибавь, сколько денег от себя приезжие за наши товары оставили. Редко когда Вологда знала деньки со столь счастливым достатком!

— И, боюсь, не скоро боле узнает, — вздохнул Белозерский.

— Почему так, Павел Ерофеич?

— Разве ж не ведаешь, Захарушка, что все помыслы государя Петра Алексеевича в войне со свейми нацелены на выход России к Балтийскому морю? С той силищей, кою он собирает, рано или поздно царь своего добьётся. И тады как бы нам, вологжанам, плакать не пришлось. Ить торговый путь к Архангельскому порту, что нас сейчас немало кормит, потом захиреет совсем. Останется нам уповать на иные сторонние прожекты.

— Так мы ж с тобой аккурат с выговцами большое хлебное дело затеваем, — напомнил Захар. — Наш товар не медведь, всех денег не съест.

— О том я тебе и толкую. Уразумел, наконец, дальний расчёт на будущее? — Павел стукнул ладонью по столу и спросил: — Сколько мы там ноне даниловцам зерна собрали?

— Всё, как сговаривались с Денисовым. Всего для первого разу собрано 60 мешков по три пудика. На две трети отменная яровая рожь, что у них на севере не растёт почти. Да на треть добрый ячмень — и на хлеба годный, и на семена для нового урожая.

— Верно, груз, как раз посильный ихней сойме. Нам теперича пора свою баржонку с зерном в дорогу наладить.

— И не забудь Илью своего наставить, чтоб нонешним летом оплату больше пушниной да чистой медью брал. По оговоренной мерке, а то и с запасом на следующий обоз. Запас ить карман не тянет. Да скажи, чтоб выбирал товар с разбором. Иначе купишь лишнее, а продашь нужное. Рыбку копчёную оттуда лучше ближе к зиме вывозить, дабы не испортилась в дороге. Кож разных пусть по лоскутику захватит для оценки нашими мастерами. Авось тоже после поболе закажем, ежели проверку выдюжат, — с горящими азартом глазами перечислял Авдеев. — Что там ещё, говоришь, Денисов предлагал? Скань да зернь в оклады для икон? К сему тонкому товару не помешает с собинным вниманием присмотреться. Покажем знающим людям, може, впрямь обозначится спрос на наше староверское искусство. Да и свои божницы заодно украсим. Как считаешь, Ерофеич?

— Узнаю авдеевскую сметку. У тебя торг будто сам по себе счёты сводит. И дед наш Никита, и батя твой Николай словно родились с такой купецкой жилкой. У тебя тоже, Захар, не грех коммерции поучиться, — одоблив внимательность родича к мелочам, Павел вдруг с грустью вспомнил о матери. — Посему удивляюсь, как в вашем семействе маманя моя выросла. Ить она мечтательная была, нежная, напрочь лишённая житейской практичности и расчётливости. Отец мой Ерофей Кириллович потому и любил её крепко. Так, что всю боль свою по её утрате в жестоком мщении выместил. Но забыть её никак не смог и на других жёнок уже не заглядывался...

— Да, я тоже запомнил тётю Дуню красивой,

доброй да ласковой, — искренне опечалюсь, поддержал Авдеев. — Всякий раз, как подумаю о жуткой смертушке её и бабушки твоей Марфы Васильевны, верь не верь, у самого рука к ножу тянется — кому бы за зло неизбежное отомстить. Сколько ж горя принесли простому люду всякие поместные владычники. Жаль, не удалось атаману Разину их змеиную породу под корень вывести, чтоб до конца порадеть за народное счастье. Теперича остаётся уповать на то, что хоть Пётр-антихрист своей жёсткой рукой обуздает своеволия обнаглевшего дворянства.

— Право, не знаю, Захар Николаевич, на кого и уповать кроме Бога в чайном устройстве справедливого мира, — с сомнением покачал головой Белозерский. — Ить я вблизи видал ту разинскую казацкую вольницу, когда с отцом довелось повоевать за нижегородских повстанцев. Уверяю тебя, в их отрядах тоже желанного порядка и лада не наблюдал. Да и батюшка мой скоро разуверился в своих мечтаниях о счастливом и вольном казацком царстве. Никак не мог он смириться с жестокостью своих сотоварищей, частенько проявлявшейся вне боя, без крайней потребности самозащиты, а только по неумеренной злобе. Даже мне тайком сказывал, что не верит в то, что можно всеобщей правды достичь, ежели в сердцах людей неправду с корнем не вырвать... Може, как раз за такие праведные мысли простил его Господь, спас на смертном поле сражения под Мурашкино? Да тем на новое разумение наставил.

— Ух, и мудрый мужик был твой Ерофей Кириллович, — согласно кивнул головой Захар. — В деле нашем характером твёрд, в дедовской вере стоек, к людям простым милостив... Погодь, никак нонче сороковой день будет с его кончины?

— Точно. Вчера я ездил в Кириллов, ночевал там, утречком побыл на могилке батюшки. Ужо к полудню скорым скоком назад обернулся. Теперь самое время баржу готовить. Чтоб сразу, как царская флотилия вниз по Вологде уйдёт, Илья с бурлачками нашими на Шексну груз потянули. Отправляю я с ним Гришку Фомина. Приказчик он опытный, калач тёртый, пустое на порожнее не променяет...

Как понять властелина?

Вдруг с улицы послышался растущий шум. Вот Софийского собора и стоявшего рядом с ним окружённого каменными стенами архиерейского дома, близ которых раскинулись на пустырях под кремлём шатры преображенцев и семёновцев, всё явственнее доносились крики восторженной толпы и ружейные выстрелы. Причину переполоха вскоре пояснили пришедшие в лавку Илья и Ванюшка Воронцов, сбежавший из Кириллова монастыря на Выг послушник в подряснике и чёрной скуфейке на голове.

— Это царь Пётр пришёл к своим солдатам с Козленской слободы, где мы его с Ванькой вблизи видели, — поздоровавшись с родными и запросив кружку холодного кваса, увлечённо делился своими впечатлениями Илюха. — Государь-то наш ненамного Андрея Денисова старше, только ростом будет заметно повыше и в плечах пошире...

— И властный такой, дёрганный, страшный... Сам пьяный и табак постоянно курит, всё трубкой дымит, аки Горыныч-змей... Суций антихрист. Свят, свят, свят! — нервно крестился испуганный нечаянной встречей с гонителем староверов юный Ванюшка.

— Да с виду ничего в нём страшного нету, хотя щека впрямь, бывает, дёргается, — заспорил Илья. — И глаза действительно у него, наверное с похмелья, малость блестят после вчерашнего пира. А може, с волнения, с азарту... Он же к нашим канатчикам пришёл полюбопытствовать, как они верёвки крепкие вяют. Сам попробовал, даже увлёкся... Потом стал на прочность проверять канаты разной толщины. Представляете, перетягивания устроил. За один конец вервья сам взялся со своими офицерами да боярами, а за другой наши козленские ребята потянули...

— Ну и кто кого? — не удержался от вопроса заядлого болельщика Захарка, подавшись всем телом вперёд с загоревшимися глазами. — Неужто бояре наших осилили?

— Куда ж холёным боярским сынкам супротив артели матёрых канатчиков выдюжить? Конечно, козленские их перетянули. Но сам-то царь, сразу видно, один на один может силуш-

кой с любым из слобожан поспорить. И надо отдать ему должное, азартен, да не обидчив. Нашим артельщикам серебра щедро отсыпал, поблагодарил за мастерство и стойкость. Те ему в ноги на колени бряк, а он осердился нарочно. «Для кого, — говорит, — я указы пишу? Не доведено, что ли, до вас моё повеление: больше не потребно перед царём да боярами на коленках ползать. Довольно теперь кланяться с соблюдением собственного достоинства. И писаться отныне каждому по имени и отчеству!»

— Ужели сам царь так сказал? — не веря ушам, переспросил Захар.

— Вот вам крест святой! — Илья в подтверждение своих слов торжественно перекрестился. — Народ возликовал в восторге. Государю иконку в дар поднесли с образом Неопалимой Купины. Он её с почтением принял, поцеловал... А потом говорит, оставьте, дескать, сию икону в память обо мне в ближней Покровской церкви. И не забывайте молиться за меня и об успехах державы нашей Российской.

— От ить хитрован каков! Знает же, что среди вологжан много староверов, у коих за царя-антихриста молиться не принято, — заметил суть уловки Павел Ерофеич.

— А он так и сказал на сей счет: «Ведомо мне, что есть среди вас раскольники, кои за государя молиться отказываются. Так вы хоть о рабе Божьем Петре молитесь. С меня и того будет довольно», — пересказав царёвы слова, Илья тайком наблюдал, как от удивления округлились глаза отца и дядьки, у которых без того уж зрело невольное расположение к необычному самодержцу, объяснимое именно тем, что он ещё раньше твёрдо вступился в защиту интересов купечества, а теперь столь смело подтвердил своё уважение ко всем мастеровитым простолюдинам.

— Пойдём-ка, Ерофеич, поглядим тоже на царя-батюшку, — предложил Захар.

— Видывал я его уж не раз и в былые времена, и вчерась, когда он навеселе возвращался с архиерейского обеда к Готманше со сворой пьяных свитских. Скоро тридцать лет мужику стукнет, с виду, конечно, повзрослел. Но посмотришь на его попойки — всё покажется, что ветер в голове гуляет. Иной раз впрямь сумление берёт в том, сможет ли царь Пётр с такими

своими слабостями вырулить нашу Расею к свету справедливости. Никак в толк не могу взять, как в нём уживаются великие помыслы и бесовские увлечения. И неизвестно, что же в будущем пересилит. Это тебе не канат перетягивать в Козленской слободе, — Белозерский-старший огорченно махнул рукой, не скрывая внутренней борьбы в своей душе между ростками уважения к государю-труженику и разочарованностью в его мирских забавах, далёких от идеалов староверской стойкости. — Так что нечего мне смотреть на то, как он счас своих гвардейцев винищем опаивать будет. Не хочу лишний раз сердце себе беречить. А вы ступайте, гляньте со стороны ради назидательного урока. Но в толпу не лезьте, а то ить раздавят ненароком или паче того разорвут в клочья за случайное проявление непочтения к царской особе...

Проводив из лавки ближних, Павел Ерофеич заперся в своей горенке на крючок. Вспомнив о сороковинах отца, посидел в горестных раздумьях у стола. Потом достал из закрытого шкафчика том «Апостола», привезенный сыновьями из шекснинской усадьбы, открыл его на заложенных батиной родовой рубашкой страницах. Попытался было углубиться в нравоучительное чтение о деяниях бывшего преследователя первохристиан Савла, позже принявшего мученическую смерть за искренне признанную им единственно верной Христову веру. Но рассеянные его мысли всё ж убегали от намеренного желания сопоставить уготованную персональную судьбу с данным ему святым именем к невольно возникшему её сравнению с беспокойной жизнью уже ушедшего в легенду разинского есаула Ерохи Пурги, понапрасну искавшего с оружием в руках высшую житейскую справедливость в утверждении казацких вольностей... А следом, с новым логическим мостиком, подумалось о прежде отличавшемся жестокими гонениями русских раскольников взбалмашном царе Петре, только что невзначай высказавшем готовность пойти на поблажки для них...

С чего вдруг? Чем объяснить сей неожиданный шаг властелина? Откуда вообще возникают первопричины иных судьбоносных решений, переворачивающих или жизнь одного человека, или даже существование целых народов и

стран? Только из продиктованных течением обстоятельств эмоциональных порывов? Или из их рационального осмысления, из голого практического прагматизма, в коем любой сметливый купец знает такие премудрости, что может дать фору самому государю? О нет, во избежание бедствий новой смуты, конечно же, не тот желанный разинским повстанцам своевольный мир нужен нынче вконец ослабленной матушке-России. Но скорее твёрдый порядок в государстве и осознание каждым человеком своего места в нём...

Да и что значит он — клич тот лихой: «За свободу, за волю, за равную долю»? Для кого эта доля равной-то будет? С кем воля вольная разделится? Кому достанется вся полнота свободы? Ведь если кому что добавится, то у кого-то непременно отнимется. Опять придут вслед честным бойцам новые, не менее сильные, но корыстные людишки, скорые на злые делишки — и то, что было обещано всей голытьбе, возьмут да присвоят себе. Никого не пожалеют, не пожалуют, не подумают о нужде-море, о твоём личном горе, о твоих лохмотьях-одеждах, чаяниях и надеждах... Им ведь важнее самим урвать своё, даже то, что прежде было твоим. Какая она, в самом деле — разгульная вольница-раздольница, желанная казацкая община? Новое царство, в котором царём, разумеется, самым справедливым, станет какой-нибудь горлан-атаман, обычно радеющий ближним казачкам, а не сторонним мужичкам? Куда же крестьянину податься, ремесленнику, купцу или монаху — снова в тягло, в бунт, на плаху? Что же есть настоящая воля? Воля есть то, что в тебе самом твёрдым духом возрастает и случайно не растает. Она лишнего не просит, но вдалёк мечтой уносит. Она не требует ни награды, ни возмещения, не несёт в себе угрозы и возмущения. И от других никакого соизволения не спрашивает. Если уж не по нутру тебе какое-то дело, так и не делай его. А если, напротив, чувствуешь, что дело именно твоего участия ждёт, так не погнушайся к нему руки приложить, чтобы с радостью пожить. Это же в твоей воле! Её только надо осознать и верно следовать ей, подчиняться только ей, если она действительно твоя. Она внутри тебя, человеке! Горит, зовёт, как в церкви свечи... Сам всё понял, сам решил, сам ис-

полнил... Вот же она — воля твоя полная: что намечено, то исполнено. Не общая, а личная. Не навязанная кем-то со стороны, а вырвавшаяся в твоей душе. Не безоглядно опьяняющая в случайных порывах толпы и оттого ликующая в её увлекающем к гибельным завихрениям потоке оголтелым самоотрицанием, но крепкая в истоке, устойчивая к чужим порицаниям, выстрадавшая тобой, убедительная, самоутверждающая! Воля — вовсе не разгул случайно отпущенных с привязи буйных чувств, не похоть тела, не предвестие неминуемого бедствия, но мощное начало глубокого человеческого самопознания, живого дела, продуктивного самостоятельного действия!

Капитан Ладогин

После изрядных возлияний на вторичном Уроде у владыки Гавриила и спонтанно устроенных в следующий день игрищ с вологодскими канатчиками в Козленской слободе да шумной пирушки с верными гвардейцами, царь Пётр вовсе не утратил контроль за событиями. В тот же вечер у него загодя было назначено совещание со старшими офицерами, на котором деятельный самодержец объявил, что завтра, в праздник Вознесения, намечено быть отплытию всей флотилии в сторону Архангельска. Определили распорядителей, ответственных за соблюдение порядка погрузки в суда сопровождавшей государя свиты, гвардейских батальонов, продовольствия, оружия, боеприпасов... Во время погрузки сам Пётр Алексеевич с высшим по воинскому званию Фёдором Головиным решил устроить смотр стрелецким частям, которым спозаранку назначили сбор возле Спасо-Прилуцкого монастыря.

Покончив с обязательными процедурами по подготовке к отплытию из Вологды и разослав порученцев для исполнения данных им распоряжений, Пётр снова заперся в своём домике вместе с Меншиковым. Тот почтительно стоял ближе к двери, скрестив руки на груди, и в ожидании приказов наматывал на указательный палец длинные кудри рыжеватого парика. Царь задумчиво вышагивал по комнате. Потом вдруг резко остановился, словно расста-

вив в ряд ворох занимавших его мыслей. Достал из кармана украшенный венценосным вензелем бархатный кисет с ароматным голландским табаком и искусанной по чубуку трубочкой, плотно её набил, придавив табачное крошево пожелтевшим большим пальцем, прикурил от горевшей свечи.

— Ну что, Данилыч, пожалуй, загостевались мы тут, — смачно выпустив густую струю дыма, Пётр бросил взгляд на ординарца. — Погуляли вволю по здешним краям, окунулись в жизнь глубинки, отдохнули на славу, винца доброго откушали... Пора и честь знать. Хочу теперь за пару деньков нагряться в гости в Холмогоры к владыке Афанасию. Но до отъезда у нас ещё дельце осталось. Помнишь уговор насчёт надёжного офицера, коего можно послать к Ладогe для выставления заслона от лазутчиков?

— Так точно, мин херц, — Меншиков тут же бросил забавляться париком и выпрямил спину. — Он уж вторую неделю дежурит со своими семёновцами в ближних караулах.

— Из семёновцев? Кто таков?

— Поручик Александр Ладогин!

— Постой-ка, откуда-то мне сия фамилия знакома, — царь нахмурился, напрягая невесть чего испугавшуюся память. — Ладно уж, напомни сам, раз он твой протеже.

— Фамилия сия знакома тебе, государь, по давнему Шаковитовскому делу, когда мятежные стрельцы чуть не склонились на сторону сестры твоей Софьи, да вовремя одумались, поддержав ваше с братом Иваном окончательное утверждение на царствие...

— Тьфу! К стыду своему, припоминаю ту позорную августовскую ночь, когда я в исподнем ускакал из Преображенского в Троицкую лавру, получив известие от верных людей о подготовке сестрицей моего убийства. Ну да ты уж тогда со мной был и ночевал вместе в одной горнице с пистолями наготове, — правая щека Петра заметно задёргалась.

— А теми верными дозорщиками, кои нас упредили, были малые начальные люди Стремянного стрелецкого полка — пятидесятник Мельнов и десятник Ладогин, — невольно сделал шаг к царю Меншиков, готовый схватить того за плечи, предупреждая вероятный нервный припадок.

— Но того Ладогина вроде иначе звали, — присев на лавку, Пётр постарался взять себя в руки глубокой успокоительной затяжкой, от которой вдруг хрипло закашлялся, чем скинул внезапно охватившее его напряжение, чреватое крайним срывом, которые с ним периодически случались. К тому же предупредительный любимец уже одной рукой похлопывал его по спине, а другой наливал из кувшина морс из мочёной брусники. Когда кашель удалось унять, Данилыч нейтрально-спокойным тоном продолжил пояснения:

— Ты совершенно прав, мин херц. Старшего брата Яшкой кликали, а младший, Сашка, с конями перемётчиков оставался, пока они тебе докладывали о жестокосердном замысле Софьи. Он ещё в стрельцы принят не был по малолетству. Увязался в тот раз за гонцами из тяги к приключениям. И с тех пор у нас насовсем остался, записавшись в потешные.

— Вообще-то, к стрельцам Стремянного полка у меня спроса нет. Они остались мне верными и после пополнили гвардейские батальоны. Однако выносить сам стрелецкий дух я боле не могу. Уж больно от него разинщиной пахнет. Почти двадцать лет эта воляница с бердышами мне нервы мотала, ближних бояр резала, чуть меня самого не сгубила... Сам знаешь, как издергали меня уверившиеся в своей незаменимости стрельцы-бунтовщики. Не ведаю, как мне завтра перед ними держаться, — Пётр задумался и, приняв решение, добавил: — А впрочем, пушай у фельдмаршала Головина на сей счёт голова болит. Я со стороны погляжу на это воинство. Хочу убедиться, что оно ещё сможет и брата Карлуса за его пышный парик подёргать. Потом уж всех их или в солдаты зачислим, или в городскую стражу переведём...

— Смею повторить, что Сашка Ладогин в стрельцах не служил. Солдатскую лямку в Семёновском полку тянул честно. Отличился храбростью и в Азовских походах, где был ранен османской саблей, и под Нарвой, после которой в связи со страшной убылью офицеров из капралов сразу произведен в поручики. К тому же, как ты и требовал, он не из мягкотелых боярских сынков, сам к нижним чинам близок, терпелив, характером твёрд, телом и духом крепок... Ему можно доверить любое дело. Ручаюсь, не подведёт.

— Вижу, Данилыч, что ты его хорошо знаешь, раз так веришь ему. А я тебе доверяю, в таких делах больше некому. Что до того, как я невзначай на стрельцов отвлекся, так сам понимаешь — то моя большая мозоль. И ты её разбередил тяжёлыми воспоминаниями в самом уязвимом месте. Как бы я хотел забыть тот обуявший меня страх... Почитай впервые тогда в истерику сорвался, чуть не голышом сбежал...

— Успокойся, мин херц, — уточнил Меншиков, — я ж тогда твою одежку с собой захватил, и ты сразу в лесочке переоделся, как только мы по пути остановились. Когда нас охрана догнала, ты уж в кафтане был. Считаю, никто твоей промашки не приметил.

— Будто не заметили! Слышал, что сестрица Софьюшка сполна смеялась над моей конфузией. И в народе не сказы, но именно насмешливые анекдоты обо мне сочиняли.

— Да и что с того? Кто такая нынче Софья, где те мятежные стрельцы-зубоскалы? Всё уж быльём поросло. И кто есть ты для народа русского — надежда-государь! Сам же меня уверял, что великая гиштория России сейчас только начинается...

— Ты прав, Данилыч, негоже мне теперь расслабляться, — зло оскалился Пётр. — Как ты мне говаривал, после драки хорошо смеётся тот...

— У кого зубы целы остались, мин херц.

— Вот-вот! А мы на свои зубы не жалуемся, — царь уже взял себя в руки. — И брата Карлуса в ключья порвём, и любого иного врага загрызём до смерти. Дай нам бог только с силами собраться и супротивников вокруг пальца обвести! Зови своего тёзку. Но пока не кликну, ждите за дверью. Я сам ему сейчас в дорогу поручения напишу.

Первым делом царь написал письмо окольничему Петру Матвеевичу Апраксину, сидевшему воеводой в приграничном Новгороде и отвечавшему не только за оборону северо-западных русских земель, но также за нанесение урона шведским гарнизонам на сопредельных территориях между Ладожским озером и Балтийским морем. Следующим адресатом царского послания оказался воевода приладожского Олонца Семён Фёдорович Барятинский, оборонявший государственные рубежи в Карелии. Ещё одну записку царь черкнул на упо-

ловиненном листике — как менее значимое внутреннее распоряжение по войску. После, чуть поразмыслив, отыскал среди бумаг гербовый лист и уверенно вывел на нём вдруг пришедший в голову указ.

— Данилыч, ты там? — окликнул Пётр и, увидев в проём открывшейся двери ожидавших его сигнала офицеров, позвал. — Заходите, у меня всё готово.

Вслед за Меншиковым строевым шагом вошёл рослый крепкий шатен с заметным сабельным шрамом на левой щеке. Треуголку он держал на согнутом локте. На его шее под воротом виднелась серебряная серповидная пластинка с памятной надписью «1700. NO. 19» — такими знаками с выбитой на них датой наградили офицерский состав лейб-гвардии за храбрость и стойкость, проявленные в Нарвском сражении. Бравый служака громогласно представился:

— Поручик лейб-гвардии Семёновского полка Александр Ладогин!

— Ну что ж, господин поручик Ладогин, Александр Данилович рекомендует тебя для исполнения важного поручения...

— Рад служить вашему величеству!

— Не только мне, дружок, послужишь, но всей державе Российской!

Вообще-то, в обычных обстоятельствах Пётр Алексеевич всё меньше жаловал высокопарные слова и театральные жесты. Однако иногда ещё давали себя знать прежние привычки потешных времён, особенно тех весёлых хмельных пирушек с приближёнными соратниками, которые по заведенному порядку обставлялись в свободной игровой манере, требовавшей от участников действия и нарочитой театральности, и высокого штиля изречений в духе древних античных героев. Да и осознание положения самодержавного русского властелина, творца истории, придавало царю подобающую моменту величественность. Тут обозначился как раз подходящий случай. Понимая это, Пётр старался формулировать суть поручения как можно чётче:

— Итак, господин поручик, задание будет зело трудное и ответственное. Тебе предстоит сформировать роту солдат и пройти с ней по вероятным маршрутам движения людей от Ладожского озера до Онежского. Перво-на-

перво вдоль Свири, а также по лесным дорогам и годным для судоходства рекам дальше к северу. Задача состоит в том, чтоб солдатики твои, как бреднем сорный омут, вычистили с сих дорог вероятных вражеских лазутчиков, дезертиров и всякий разбойный сброд. Крайний срок исполнения поручения — середина августа. В крупных поселениях на Свири и у её истока с Онего-озера оставишь караулы для контроля за обстановкой. Уразумел? Какие будут вопросы?

— Задача ясна! — отрапортовал стоявший навытяжку Ладогин. — Вопрос один: из кого ваше величество прикажет формировать отводимую под мою команду роту?

— Молодец! Вижу, что суть уловил, раз сразу спрашиваешь о людях, коих тебе понадобится немало. Из наличного состава гвардии я тебе, конечно, столько выделить не могу. Разрешаю взять десяток знакомых семёновцев, на коих сам готов положиться. А доберёшь первый плутонг из здешних стрельцов-охотников покрепче. Всех их тоже переоденешь в солдатскую форму. Вот тебе распоряжение на сей счет, — царь протянул поручику свою записку, а следом стал поочерёдно передавать заготовленные свитки. — Сначала доберёшься со своим эскортом до Новгорода, доставишь сие послание воеводе Апраксину. Я поручаю ему оказать тебе всяческое содействие в наборе твоей роты из солдат инвалидных команд. В тамошних гошпиталях остались на излечении раненые участники Нарвской баталии и прочих стычек со шведами. Многие из них уже в добром здравии и вполне годятся в пополнение. Уверен, наберёшь там еще три-четыре плутонга. Своих семёновцев поставишь над ними капралами. Дальше двинешься к Олонцу — вот письмо воеводе Барятинскому. Обговоришь с ним план облавы, уточнишь маршруты, кои в первую голову требуется прикрыть крепкими заслонами. Он подскажет, поможет, даст проводников. Ясно?

— Так точно, ваше величество!

— А вот меня одно обстоятельство всё же смущает, — Пётр со смешинкой в глазах глянул на лица стоявших перед ним офицеров, в которых выразились признаки недоумения. Выдержал небольшую паузу для закрепления

эффекта неожиданности и только после того протянул Ладогину гербовый лист с печатью. — По-моему, не по чину поручику командовать целой ротой. А посему отныне быть тебе, Александр Ладогин, вровень мне — капитаном. Прими указ о твоём новом офицерском звании. Понятно, оно присваивается тебе не по лейб-гвардии Семёновскому полку, но ниже оттого не станет. Поздравляю с производством в чин, господин капитан!

— Рад служить вашему величеству! — выпалил не скрывший радости в голосе офицер и, чуть запнувшись, вспомнив недавнее царское наставление, добавил: — И всей державе Российской!

— Смотри-ка, Данилыч, а твой протезе впрямь шибкомышлёный. На лету данные ему уроки схватывает, — рассмеялся довольный царь.

— Не сомневаюсь, что он и подмётки у любого из-под ног оторвёт с таким высоким чином, — поддержал Меншиков.

— О том я и подумал, — заметил Пётр. — Ему же с большими боярами-воеводами доведётся стренуться. А они мало к чему почтение имеют кроме высокого чина и знатного положения. Да и местных начальников капитанское звание в тех диких краях скорее урезонит. Итак, капитан Ладогин, прими в дорогу моё доброе напутствие: ступай с Богом!

Детали стратегической операции

Проводив порученца и убрав со стола ящичек с бумагами, Пётр с Меншиковым сели перекусить и продолжили разговор о задуманных военных действиях.

— Догадываешься, Данилыч, какие ещё пожелания я высказал в письмах к Апраксину и Барятинскому? — спросил царь, отрезая от бруска плотного вологодского масла упругие ломтики и приминая их ножом к куску хлеба. Дальше беседовали, прихлебывая деревянными ложками горячие наваристые щи из керамических горшочков.

— Полагаю, мин херц, как ты говорил раньше, речь идёт о более активном давлении на шведов в приграничных областях.

— Скорее, даже не о давлении, а о выдавливании противника с занимаемых им сегодня выгодных позиций. У швейского генерала Абрама Крониорта в западном Приладожье войск, пожалуй, поболее будет, чем у нашего Петра Апраксина. Но они зело рассредоточены отдельными гарнизонами по разным крепостям и небольшим хуторским мызам. К тому же, как мне доносили, сей Абрамка — хоть и жестокий начальник, но вояка нерешительный, не в пример бравым братьям Шлиппенбахам. Значит, есть возможность разрозненные части свеев по очереди с насиженных насестов повыбивать.

— Насколько я знаю, у Петра Матвеевича под рукой только два новых солдатских полка с приданными им стрельцами. Хватит ли для наступательных ударов?

— Добавим драгун — вполне боеспособный корпус получится. Тут главное — не распылять силы, а бить по отдельным укрепленным пунктам собранным воедино кулаком. Если обеспечить на избранных участках численный и огневой перевес, шведы не удержатся, отступят, — уверенно рассуждал Пётр. — Шереметев уже доказал в Лифляндии верность такой тактики. Вот и здесь важно к началу осени отогнать Крониорта подальше от Нотебурга и перекрыть все дороги для возможной переброски туда серьёзных подкреплений. А когда Шереметев и Репнин соединятся там с Апраксиным, да мы с севера со своей гвардией подкрадёмся, тогда в такие щипцы Орешек возьмём, что он, даст бог, за недельку-другую расколется. И в открытом поле нам с нашей силой никто не сможет противостоять без главной армии Карлуса. Быстро до Балтики дойдём и своими крепостями там прикроемся...

— А не забыл ты, государь, про эскадру адмирала Гидеона фон Нумерса, что в Ладожском озере крейсирует и способна всю обедню нам испортить?

— Хотел я Нумерсу противопоставить шесть фрегатов, кои приказал в январе заложить на реке Сясь. Но как отписал наместник стольник Татищев, что-то там не сростается. Обещает к осени спустить на воду только два судна. Да и то с оговорками. Дал воеводе Апраксину поручение подумать на сей счёт. Хорошо бы корабли Нумерса подкараулить на стоянке близ берега и

внезапно атаковать на лодках. В абордажном бою шведы свои преимущества утратят. А там уж кому матушка-фортуна улыбнётся...

— Замысел, конечно, смелый, заманчивый, но... — Меншиков в нерешительности замялся, сделав вид, что прихватил большой кусок мяса, который не может разжевать.

— Данилыч, ты не мямли, договаривай... На то ты мой ближний советник, дабы от ошибок меня уберечь. Сказывай, в чём сомнение возникло? — строго спросил Пётр.

— Да как-то, мин херц, по-партизански тут получается. Дескать, шапками шведов закидаем. А они ведь воины умелые. Сам знаешь.

— Ну, положим, какие у них морячки — смелые да умелые воины, сие нам как раз неведомо. Вот и выпадет случай проверить. По моему разумению, в управлении парусами они наших мореходов, может, пока посноровистее будут, но от резни в абордажных баталиях, думаю, напрочь отвыкли. Да и не ждут они от нас эдакого, как ты говоришь, партизанского наскока. В том и соль — в неожиданности атаки. И что ты вообще имеешь против партизанских действий? Чем они тебя, Данилыч, так смущают?

— Вовсе они меня не смущают, государь. Просто тут верный расчёт требуется, быстрота, натиск... В таких рискованных делах успех зависит от всяких случайностей.

— Алегер ком алегер. То бишь, как говорят французы, на войне как на войне. Хватит уж нам тени Карлуса пугаться.

— Оно верно, на смелого собака лает, а труса в клочья рвёт, — поддакнул Меншиков.

— Нас под Нарвой Бог выучил и теперь выручит. А то, что русские люди быстро учатся воевать по-новому, они уже доказали, — Пётр даже верный пример нашёл к случаю: — Помнишь, к нам в начале весны приезжал на Москву поп из Олонца Иван Окулов?

— Помню, конечно. Ты же самолично его пригласил, чтобы щедро наградить за то, что он, со швейских мест к нам перебежавши, набрал отряд охотников для партизанских рейдов по шведским тылам.

— Вот тебе достойный подражания опыт умелой партизанщины, — царь взялся развиватьглянувшуюся ему идею. — Летучие отряды хорошо знакомых с местными лесами охотников

способны и ощутимый урон врагу нанести, и сковать его войска, предупреждая их вероятные наскоки на наше приграничье. Воеводе Семёну Барятинскому именно сию тактику надобно шире использовать. Иначе с его малыми силами он серьёзного наступления своею не выдержит. Успокаивает лишь то, что им самим нет резона для глубокого проникновения в те глухие земли. Значит, и наше продвижение с севера они не учуют, если рота Ладогина не пропустит к ним случайных послухов.

— Никак не пропустит, государь, можешь не сомневаться, — твёрдо заверил Меншиков и, уже убрав после ужина посуду, вернувшись в комнату с графином вина, наконец восхищённо оценил дошедший до него во всём блеске замысел самодержца: — Пётр Алексеевич, теперь я понимаю, почему ты так секретил от всех свою задумку. Ты же, как великий полководец, всё рассчитал, учёл все мелочи, предстоящие манёвры своих и супротивных войск... Мне их будущие передвижения сейчас ясно видятся, буквально как ходы разных фигур на шахматной доске — с одним неминуемым исходом. Не знаю уж, на каком там ходу, но осенью ты швейскому королю точно мат поставишь...

— Пока только в этой партии, Данилыч. Следующие будем разыгрывать уже в Прибалтике, помаленьку отщипывая у Карлуса сначала Лифляндию, потом Курляндию, — довольный Пётр, улыбаясь, как мартовский кот, расслабленно сидел на лавке, закинув руки за голову и сладко потягиваясь. Глаза его были закрыты, но в ушах, кажется, тихо напевал ему о скором исполнении давних мечтаний лёгкий балтийский бриз.

На просторах Онего

Просторы Онежского озера поразили Илью и привязавшегося к нему в дороге Ванюшку Воронцова необъятной ширью, в которой едва угадывалась линия горизонта, поскольку гладь воды вдали незримо сливалась с небом. Если с правой стороны соймы постоянно виднелся лесистый берег, то по левую руку и незнамо как ещё далеко впереди раскинулось настоящее море — без кромки, без края, без всякого ощущения вероятной

где-то земли. Парни, никогда не видевшие столь неизмеримо открытой местности, не уставали любоваться её вольным размахом, яркими солнечными бликами на волнах, бегущими вслед за барашковой пеной отражениями таких же белокурых облаков, сопровождавшими их беззаботными чайками, то стайками кружившими в вышине, то отдыхавшими на озёрной поверхности, вблизи выглядевшей илесто-тёмной, но потом всё больше голубевшей, казалось, до самых небес... Этот широкий, вольный, продуваемый свежим ветром мир порождал в их душах похожую свободу чувств и воспоминаний.

Грузовая сойма отошла от Вытегорского причала уже на переломе Петровского поста — со значительным отставанием от предполагавшегося графика. Но произошло это вовсе не по вине Ильи и распорядительного Григория Фомина, исполнявшего обязанности приказчика с завидной расторопностью и добрым знанием дела. Они прибыли к промежуточному месту назначения с грузом зерна как раз к концу мая, точно к сроку, обещанному Денисову Павлом Ерофеичем. Но в ожидании продолжения пути до Даниловской обители мешки с хлебом на две с лишним недели пришлось перенести в амбар, устроенный встретившими вологжан местными староверами в деревеньке близ впадения в Вытегру речки Вянгги.

Случилось так, что предназначенное для путешествия судёнышко буквально перед их прибытием уходило за рыбой и попало в шторм. Разгулявшийся ветер и грозные волны унесли его к западному берегу Онего с сорванными парусами и сломанными мачтами. Пока незадачливые мореходы пережидали непогоду в спасительной бухточке, пока наскоро чинили оснастку и возвращались в Вянггу, пока устраняли на судне другие поломки и течи, прошло так много времени, что Илья с Иваном успели сходить в особо почитаемый православным людом монастырь Александра Свирского, расположенный неподалеку от реки Свирь ближе к Олонцу. Туда, вниз по течению, добирались на лодке с опытным провожатым, знавшим коварные пороги. Обратно шли вдоль берега пешком...

Впрочем, не о том благочестивом паломни-

честве сначала вспомнилось ненароком задремавшему на палубе Илюхе.

Почитай, месяц миновал с того дня, как отчалила от вологодских пристаней внушительная царская флотилия. Перед её отплытием родичи ходили к Спасо-Прилуцкому монастырю, где проходил смотр стрелецкого войска. Долго и понапрасну выглядывали среди стрельцов своих ближних — Фрола Белозерского и Михаила Кириллова. Оттого изрядно разволновались, в неведении беспокоясь об их судьбе, пока генерал-фельдмаршал Головин с искристым орденом Андрея Первозванного на парадном мундире и голубой лентой через плечо кричал с коны вдохновенную речь. Он надрывно призывал испытанное в боях Христово воинство к героическому спасению матушки-России и одоление свейских супостатов на полях сражений в сопредельной Польше.

Собравшиеся на поле стрельцы и посадские воложане слушали его вполуха и с гораздо большим вниманием поглядывали на скромно державшегося чуть поодаль царя Петра. Тот, критически оценивая войско, нервно пощипывал усики и о чём-то переговаривался с Меншиковым, хоть и одетым в форму поручика бомбардирской роты преображенцев, но на деле выглядевшим по-генеральски — и по щедро украшенному золотом костюму, и по пышному белому плюмажу на роскошной офицерской шляпе...

Тревожное недоумение родных развеялось лишь после того, как сине-чёрные стрелецкие колонны с натужными криками «Ура!» прошли мимо государя и его свиты строевым маршем, понятно, по стройности своей ни в коей мере несравнимым с чётким движением вымученных гвардейских полков. Когда Пётр Первый, не очень-то довольный проведенным смотром, уже ускакал с сопровождавшими его офицерами к ожидавшей отхода флотилии и пространство возле монастырских стен заметно очистилось от народа, задержавшихся Белозерских вдруг окликнули подходившие к ним два солдата-семёновца, в которых не сразу можно было узнать Фролку и Мишку.

— А мы тут с Михой подумали, чего нам делать в той зачуханной Польше?... Всё одно потом, ежели не убьют вдали от Родины, всем

стрельцам к солдатской форме привыкать придётся. Вот и решили переодеться в неё пораньше, да так, чтоб сразу в гвардейцы попасть, — подойдя ближе, обнимал удивленных и обрадованных Лукерью и Ульяну Гордеевну улыбавшийся Фрол.

— Точно, чего лишнего ждать да догонять, раз такой случай подвернулся, матушки мои... — здоровался за руки с Павлом Ерофеичем и Илюхой впрямь выглядевший матёрым гвардейцем Мишатка. — Подошёл намеренно к нашему костру семёновский капитан Ладогин, кликнул охотников записаться в солдаты и идти с ним куда-то на север. Мы первыми отозвались, быстрее прочих смекнули, что лучше поближе к своим краям быть, чем в дальних заграницах безвестно сгинуть.

— Ой, неспроста вас, робята, так скоро перерядили. Не слишком ли опасное дело вам предназначено? — с обычной ноткой сомнения качал головой умудрённый опытом Белозерский-старший. Однако же он ничуть не мог скрыть удовольствие при взгляде на преобразившихся братьев, которым новое обмундирование было и к лицу, и в самую пору.

— Эх вы, короткоштанники! Теперь я над вашими нарядами буду потешаться, как вы над моей буркой, — напротив, не упустил случая приколотнуть старших братьев Илья. — Чулочки случаем с ножонок не спадают, башмачки тупоносые не жмут, треуголочку куцую с головки ветром не сдувает?

— Изыди, насмешник! Дай нам самим к новому облачению привыкнуть. Пока, в самом деле, я чувствую себя в нём как редька на яблоне, — отмахнулся Мишка, оглядывая на себе вполне подогнанные по его размеру детали мундира. — Заметь, что Фролке оказалось труднее и кафтанчик, и обувь подобрать. Он же будет чуть пожире моего воистину гвардейского телосложения.

— Ладно хвастаться, братишка, была бы шея — хомут найдётся. Так и всем остальным нашим охотникам ладную форму подыскали, — Фрол шуточно погрозил Мишатке пальцем и, обратившись к родным, добавил: — Извиняйте, нам пора идти. Пока нас только предупредить отпустили, чтоб вы зря не беспокоились. А когда будем готовы к выступлению в поход, обещали

дать время на побывку, попрощаться с семьями. Разве что с тобой, Илюха, как я понимаю, мы теперь долго не увидимся. Да и свидимся ли вообще? Помни о нас, брат, да и мы тебя не забудем. Кстати, держи заветную дедовскую иконку, тебе она нужнее. Мы-то с Михой вдвоём, как-нибудь друг за дружку постоим. Удачи тебе в дороге и крепкой защиты Царицы Небесной!

— И вам желаю удачи, братья мои! Постарайтесь вернуться живыми, — откликнулся Илья, после чего парни обнялись и трижды поцеловались друг с другом.

...Воспоминания Илюхи нарушил скрип державших широкие паруса на мачтах шпринтовых рей. Кормщик Корней Матвеев крикнул помощникам подтянуть их иначе, чтобы снова поймать изменивший направление ветер. Два морехода тянули на себя передний парус на фок-мачте, поставленной на форштевне, другие крепили канат, привязанный к рее на грот-мачте. Илье пришлось отодвинуться, чтобы не путаться у них под ногами. Но вот Корней дал отмашку закончить поправку такелажа и, слегка сменив положение руля на корме, придал судну прежний ровный ход.

Илья снова с головой окунулся в недавнее прошлое и предался течению избирательной памяти. С записавшимися в солдаты братьями он впрямь больше не увиделся, поскольку уже на следующий день отбыл с гружёной баржей на запад в сторону Шексны. Провожали их на причале только отец и дядька Захар.

Маманя Ульяна Гордеевна вволю отплакалась дома, собирая ненаглядного сыночка в дальнюю дорогу. Долго по-бабьи причитала о выпавшей ей горькой доле почти одновременно расставаться сразу с обоими сыновьями. Глядя на неё, следом разнюнилась и впечатлительная Лушка, с тревогой ожидавшая своей очереди попрощаться с уходившим на войну мужем. От таких слезливых провожаний Илье стало не по себе, и он выскочил болтаться во дворе с Ванькой Воронцовым, которому грешным делом позавидовал за его одинокое сиротство. Но теперь ему почему-то стало совсем тоскливо, он корил себя за то, что хоть ещё немного времени не побыл рядом с матерью, не поговорил с ней по душам, не нашёл верных слов, чтобы успокоить её напоследок.

Как же мы бываем по молодости невнима-

тельны и даже жестоки к своим родителям, самоуверенно отмахиваясь от их ласки, кажущейся слишком навязчивой, от их предостережений, наставлений, советов... Но потом, глядишь, пройдёт времечко, останешься ты один на один с собой и вдруг ощутишь, что некогда желанному одиночеству вовсе нечего завидовать, что от нехватки привычного родительского внимания где-то внутри тебя образуется щемящая пустота, жалость и к себе самому, и к обиженной твоей неблагодарной чёрствостью маме... Особенно если ты, может быть, больше не свидишься с ней никогда, не сможешь обнять её, прижать к своей груди, приглубить, поддержать ласковым словом...

Мужики всё-таки расстаются как-то проще. Наверное, потому, что им на роду написано чаще уходить из дому, что-то вечно искать, а иногда и находить нечаянную удачу. Понимают: никуда не денешься — так надо. Дела ждут, которые никто за них не сделает. Назначенные им дороги не пройдены, которые никто за них не пройдёт. Судьба у каждого такая, какой с кем-либо другим не поменяешься.

Отец Павел Ерофеич и дядя Захар именно так просто и сдержанно напутствовали Илью на причале, как всех прочих уходивших с ним товарищей, как Григория Фомина, как Ванюшку Воронцова, как грузчиков и взявшихся за длинную бечеву бурлаков — дескать, всем попутного ветра, доброй дороги, с Богом! Верим, что вернётесь с удачей, будем ждать и молиться за вас. Ну, конечно, перед отплытием крепко обнялись по-родственному, как заведено, но без бабского надрыва, без слабости и соплей. Правда, провожавшие ещё долго махали руками с берега, пока баржа не скрылась за изгибом реки. Вологда осталась далеко за кормой. Вместе со всем детско-юношеским прошлым.

Отчего же с нахлынувшими переживаниями подступил к горлу предательский комок, выдавливая нежданную слезинку? Илья прикрыл лицо рукавом, будто отгораживаясь от яркого солнца, незаметно просушил невзначай посывревшие глаза. Из-под ладони взглянул на Ванюшку, который, встав на колени у невысокого борта, продолжал замороженными глазами смотреть на озеро. Потом окликнул приятеля затерзавшим его вопросом:

— Ваня, а ты веришь во всякие пророчества о будущем, в то, что сбываются гадания и предсказания человеческой судьбы?

Застигнутый врасплох пацан от неожиданности слегка вздрогнул, обернулся к Илье всем телом и, осмысливая заданную ему тему, раздумчиво ответил:

— Знамо дело, ежели они от самого Бога исходят и вкладываются в уста великим святым для наставления человек, как в Священном Писании, оно, конечно, верю...

— А если не от Бога?

— Значица, то лукавый ворожит, бесы путают. Так они только и норовят нас обмануть полоче. Знамо дело, чего же им верить? Это ты, что ли, о том случае, как тебе давешняя вещунья по руке гадала? Дескать, ждёт тебя, молодец, дальняя трудная дорога, непредсказуемый перелом судьбы, изменение былых ожиданий, поскольку скоро встретишь ты большую любовь... Но, вот беда, разлучат вас страшные неодолимые препятствия... Любимая тебя от напасти смертной спасёт, и ты её уже вовек не забудешь. Но увидеть её тоже никогда больше не сподобишься и в отчаянии оставишь тяготы мира сего... Дак то же, знамо дело, обычный набор любой опытной гадалки. Наш отец Иона этаких хитроvanок у Кириллова монастыря не раз за руку ловил, обличал в мошенничестве и гнал взащей. И мне их секреты толково объяснял.

— В чем же состоят сии секреты?

— Да в том, что по очевидным внешним приметам легковверных людей гадалки им паутину предсказаний сплетают. Видит она, что одет ты справно, значица, не из бедных — либо купец, либо приказчик. А что ж обычно торгового человека ожидает? Знамо дело — дальняя и непременно трудная дорога. К тому же ты молод и пока не женат. С девками, может, поигрывал, да не наигрался. Наверняка мечтаешь встретить настоящую любовь, завести семью, род свой продолжить. Не мне же послушнику в скуфейке, уже отказавшемуся от мира, вещать о всяких там искушениях любовными утешами... А вот тебе, парню здоровому да ладному — в самый раз... И не беда, ежели гадалка чуть слукавит.

— Но как же быть с предупреждениями про угрозы всяческие, спасение от смерти, отчаяние, отказ от мирской жизни? — не унимался Илья.

— Дак то же обязательно для нагнетания страху говорится, для испытания полноты чувств, дабы жизнь тебе мёдом не казалась. А ежели не случится по сказанному, ты ж в обиде не останешься. Знамо дело, только рад будешь более ладному исходу. Ошибка в обман не ставится, — скалился от смеха подтрунивавший над приятелем подросток.

— Всё у тебя, Ванька, просто получается. А мне вот показалось, что было в словах той ведуньи некое верное предзнаменование... Когда глянула она в мои глаза своими чёрными очами, то будто внутренности острым шилом пронзила. Сначала меня изнутри огнём жарким обожгло, но тут же следом холодом кладбищенским повеяло...

— Знамо дело, умеют сии черноглазые колдуньи морок на человека нагнуть. Могут и не так расстараться за звонкую монету. Ты сам-то ей сколько за гаданье отвалил?

— Да, почитай, всю мелочь, что в кармане оставалась — три деньги и две полушки. Как затмение на меня нашло — что попало в горсть, то и отдал, — словно оправдывался смущённый Илюха.

— Цельных две копейки! За этикие деньжищи как ещё та смоляная ведьма тебе прынцеccу заморскую не просватала... — снова расхохотался Ванька. — Хорошо хоть мы успели хлебушка и овощей купить за Вознесенским перевозом, не то б в дороге нам самим, как нищим, побираться пришлось, чтоб с голодухи не сдохнуть.

Привязчивая черноглазая вещунья действительно встретилаcь юным паломникам после того, как они, возвращаясь из Александрo-Свирского монастыря, переплыли широкую реку на Вознесенской паромно-лодочной переправе и прикупили в запас постной пищи на оживлённом базарчике, казалось, ни днём, ни ночью не умолкавшем возле тамошнего поселения. В этот исстари наезженный торговый тракт стягивались все дороги с юга — и от Белозера, и от самой Москвы. Далее он пролегал вдоль западного побережья Онежского озера по зажиточным сёлам, где тоже жили предки современных вепсов, прозывавшие себя тогда людикайне или людиками. Шёл тот путь к знаменитой ярмарке в заонежской Шуньге, к студёному Белому морю и устроенной на его

островах святой Соловецкой обители, к вечным льдам страшного Ледовитого океана.

До Даниловского общежития староверов этим путём тоже можно было везти зерно на телегах, однако передвижение большого обоза по земле в не ярмарочную пору наверняка бы вызвало подозрения следивших за соблюдением установленных порядков цепких ярыг и приставания местных целовальников на непредвиденных заставах, что грозило немалыми поборами. Потому предусмотрительные выговские раскольники обзавелись перевалочными пунктами не только в устье Вытегры, но и на северо-восточном берегу Онего-озера в Пигматке. Оттуда без лишнего догляда переправляли товар прямо в Данилов или к иным скитам на севере.

Ночёвка у Муромского мыса

Сойма шла по волнам ходко и по времени, казалось, долго. Начиная давать знать о себе голод. Периодически грызли сухари и сочную морковь, но это не спасало. По всем срокам должно было вечереть. Но за бортом как раз стояла самая пора северных белых ночей, потому ни осязательного глазом потемнения далее, ни красочно-алого заката солнца всё ещё не наблюдалось. Наконец Корней Матвеев заметил впереди береговой мысок, на котором стоял Муромский Свято-Успенский монастырь, и предупредил всех, что намерен зайти на ночёвку в известную ему бухточку, прорезанную на побережье за монашеской обителью устьем речушки Гакугсы. Там решили бросить якорь, сварить на костре котелок каши и отоспаться от изрядно надоевшей качки.

Это удобное местечко было хорошо знакомо всем онежским рыбакам, а потому заботливо обустроено ими обложенным камнями кострищем и прочно вбитыми вокруг него деревянными скамьями. Ближе к кустам стоял вместительный шалаш, земляной пол которого устилали ворохи сена, а крышу поверх связанных в поперечинах жердей укрывали густые хвойные ветви. Корней показал новичкам, что в ямке под корневищами ближней сосны стоявшими здесь прежде мореходами оставлены отточенный топорик, сухие дрова

на растопку и старый чугунок с завернутой в тряпицу солью.

— Таков у нас заветный обычай — не только о себе думать, но и порадовать о тех, кто придёт сюда следом, — пояснил Корней, обстоятельно меняя старую затвердевшую соль на свежую пайку. — Точно так же полесники в тайге поступают, оставляя друг другу в охотничьих избушках и на лабазах самые необходимые в трудных обстоятельствах вещицы — топор или нож, дровишки с кресалом, сухари да соль... На всякий непредвиденный случай. Вдруг у заплутавшего в дебрях путника под рукой не окажется именно того, что поможет ему выжить.

— Хорошая привычка, — согласился Григорий Фомин. — А монахи муромские как на это такое соседство смотрят?

— Свыклись уже. Не тревожат наши артели. Более того, малую мзду свою берут за пригляд. Глякось, вон уж отрок от них поспешает за дежурным алтыном. Готовь плату за стоянку, приказчик. Сия издержка, Григорий Васильевич, в твои расходы входит.

Со стороны тянувшейся к бревенчатым монастырским стенам по берегу длинной песчаной дюны впрямь появился послушник в подряснике, сравнимый по возрасту с Ванькой Воронцовым. Он отвязал от прикола маленькую лодчонку и, вскочив в нее, ловко загребая широким веслом от разных бортов, быстро переплыл речку и приветствовал поджидавшего его знакомого кормщика.

— Бог в помощь, Корней Матвеевич! Далёко ли путь держите?

— Да вот, провожаю новых купцов в Повенецкий рядок.

— Никак опять даниловским раскольникам груз везёте?

— Это, братец, не твоё ума дело. Может, торговые гости амбары решили на севере поставить, чтоб на ярмарку в Шуньгу с товаром сподручнее поспевать было. Так что ты, Геня, лишнего не выведывай. Держи алтын, и спаси ты, Господи, за приятную встречу!

— Мне-то ваши секреты, Корней Матвеевич, неинтересны. А вот игумен с келарем, наверное, любопытствовать будут.

— А ты им, Геня, так и скажи. Дескать, вологодские гости новое торговое дело затевают и

отныне частенько тут будут плавать, а значаца, всякий раз свою лепту для вашей святой обители давать. Прощевай покедова. Низкий поклон от меня передай батюшке игумену.

— Коли так, счастливого пути и до новых встреч!

Довольный легкоисполненным поручением, парнишка столь же скоро добрался до другого бережка и побежал к монастырю, высившемуся над пологим побережьем. Корней вернулся к своему экипажу, ожидавшему у пылавшего костра наваристой гречневой каши, уже чавкавшей в подвешенном на длинной жерди артельном котелке. С аппетитом насытившись горячей пищей, мореходы с Фоминым залезли отсыпаться в шалаш. Вволю подремавшие в пути Илья и Ваня вызвались подежурить у стоявшей на якоре соймы.

Встретившуюся на пути новую монашескую пустынь они в сей раз решили не посещать. С одной стороны, несмотря на светлый вечер, на самом деле было изрядно поздно, чтобы тревожить иноков сторонним вниманием. С другой стороны, ребята сами боялись там проболтаться о настоящей цели своего путешествия. Наконец, их память переполняли совсем ещё свежие и яркие впечатления от недавнего паломничества в особо чтимую на Русском Севере святую обитель преподобного Александра Свирского, о которых как раз зашёл у них душевный разговор у не затухавшего костерка.

— Объясни мне, Ваня, как так можно навсегда отказаться от мирской жизни и уйти в монастырский затвор? Неужели ты лично не ждёшь уже в миру ничего хорошего? — спросил Илья напарника, удивляясь принятому им в столь раннем возрасте твёрдому решению податься в монашество.

— Знамо дело, мне после смерти родных одному в жизни не пробиться и ждать ничего хорошего не приходится. Как сгорели мои батюшка с матушкой и сестрёнками в ночном пожаре, так меня одной только мыслью пришибло — отомстить их грехи для спасения душ ближних в Царствии Небесном. Ни о чём ином боле думать не могу.

— Оно, конечно, тебя, значит, горе в иночество погнало. Другого, глядишь, заест нужда беспросветная. Третьего несчастная любовь

загрызёт. Четвертому раны да увечья не позволяют прокормить себя самостоятельно... Но ведь сколько сильных, здоровых, не слишком обиженных жизнью людей просто так в монаси уходит — по зароку, по убеждению, по чистой вере... — не оставлял расспросы Илюха. — Вот тот же преподобный Александр Свирский в 26 лет на Валааме постригся. Вполне сознательно, да ещё вопреки воле его родителей. Уж на десять лет старше тебя и беды похожей не знал... Жил себе до тех пор простым чудином Амосом. И на тебе, словно озарило его. И в какую же силу святую воздержанием и молитвами потом вошёл. Уму непостижимо!

— Святой Александр, знамо дело, величайший духовный пример для всех нас. Вишь, как у него обернулось. Родители поначалу супротив его иночества были, однако по его убеждениям сами постриглись в монаси: отец Стефан — в батюшку Сергия, мама Васса — в матушку Варвару. Счастливое единство святой семьи! Тут и позавидовать не грех.

— Да я уж и без того завидую его стойкости и самоотречению. Его подвижническое житие даже представить себе немислимо — в сырой пещере на Валаамском Святом острове он по собственному желанию целых десять лет провёл в полном безмолвии... Да после многие годы в глухих чащах совершенно один жил на Рощинском озере, куда его голос ангельский направил Святотроицкую обитель созидать... Ты вот, Ваня, давеча говорил, что мы по пути от Вознесенского перевоза до Вянгги могли без пищи с голоду сдохнуть. А преподобный Александр совсем позабыл в затворничестве, что такое мирская пища. Как в его житии сказано: не хлебом питался, «а зелием zde растущим».

— Впрямь великой силой наделил его Господь — и терпение дал безмерное, и дар ясного предвидения, и мудрость врачевания всяческих хворей, — восхищался Ванюшка жизнью святого подвижника. — За то Вседержитель и отметил своего избранника вниманием небывалым — Сам в извечной славе Троицей ему явился в пустыни таёжной.

— Никак сие явление Троицы в голове моей не укладывается. В Библии как-то привычнее читать про праотца Авраама, коему Господь наш

Пресвятой Троицей явился возле мамврийского дуба да поведал ему о скором рождении сына от его престарелой жены Сары и о намерении жестоко наказать погрязших в грехах жителей Содомы и Гоморры. Но чтоб так, в нашей глуши северной, к простому чудскому отшельнику, который мог быть твоим соседом, вдруг пришёл со словом поддержки наш Небесный Отец вкупе с Сыном Христом и Святым Духом... Сначала поражаешься неизмеримости случившегося, потом восхищаешься оказанным смертному сородичу вниманием Всевышнего, наконец вдохновляешься на духовные подвиги по примеру преподобного Александра...

— Знамо дело, меня там в самое сердце поразило неизбывным страхом Божиим, — привычно крестясь, признался Воронцов. — От того ещё больше окрепло во мне намерение отрешиться от грешного мира.

— Честно тебе скажу, Ваня, меня невольно тоже похожее желание посетило. Потому я себе в ладанку горсть землицы отсыпал с того места, где почти двести лет назад Александр Свирский церковь Живоначальной Троицы поставил.

— А я ещё отдельно взял горсточку у Покровского храма, где позже явилась отцу Александру Пречистая Богородица с Предвечным Младенцем... Поистине, вся земля в той пустыни святая. Одно жаль: порядки там никонианские — они мне не по нутру.

— Бога это вовсе не касается. Ему служить всюду можно. Главное, чтоб с чистой душой и крепкой верой сие делалось, — Илья не заметил, как сам увлёкся утверждением ответов, которых искал в разговоре с другом. — Чтобы Его Божья воля твоей стала. Чтобы по прошествии своего земного пути мы бы тоже могли удостоиться от Господа вечного прощения, заключённого в великих словах, сказанных Всевышним преподобному Александру Свирскому: «Аз же ти мир Мой оставляю и мир Мой подам ти».

Окончание первой книги следует.

Значения устаревших и диалектных слов

Адив — гость (*вепс.*), иносказательное именование поминаемого после смерти человека.

Алтын — денежная мера или монета достоинством в 3 копейки.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед царскими вратами в алтарь.

Багинет — штык, примыкавший к фузее.

Баклага — небольшой сосуд для жидкостей с крышкой и пробкой.

Бердыш — старинное оружие, копье и топор на длинном древке, алебарда.

Большак — глава староверской общины или отдельного крестьянского хозяйства.

Бредень — небольшой невод для ловли рыбы в мелководных местах.

Голик — веник, метла из оставшихся без листы прутьев.

Деньга — денежная мера или монета достоинством в полкопейки.

Десница — правая рука.

Епанча — широкая и длинная накидка, плащ.

Зерьнь — напайка в ювелирных изделиях мелких золотых или серебряных шариков.

Золотник — старая русская мера веса (около 4,26 г).

Кайиване — прозвание русскими карел, переселенцев из финского края — Каяни.

Калкун — большой индюк, блюдо из индюшки.

Кацио (*вепсск.*) — смотри.

Клобук — монашеский головной убор цилиндрической формы с креповым покрывалом.

Корчага — большой глиняный горшок.

Кудель — обработанное для выделки пряжи льняное волокно.

Лахта — мелкий залив, губа.

Ловас (лабаз) — помост на ветках между деревьями, обычно сооружаемый для охоты.

Мамона — идол наживы, символ стяжательства, жадности, тревоугодия.

Малтать — понимать.

Мытарь — сборщик налогов.

Омофор — священная одежда, накидка, плат-наплечник, у епископов лентообразный.

Плутонг — подразделение в составе роты, идентичное современному взводу.

Полесник — охотник, полесовать — охотиться.

Полушка — денежная мера или монета достоинством в четверть копейки.

Рига, ригача — хозяйственная постройка для сушки снопов с местом для обмолота.

Санник — большая наезженная дорога, зимник.

Сараскать — пугаться, бояться, страшиться: сараско — боязно.

Скань — то же, что филигрань.

Свеи — шведы.

Скуфья — остроконечная бархатная шапочка у духовных лиц, включая послушников.

Сойма — килевое двухмачтовое судно малой и средней грузоподъемности.

Станица — в данном случае небольшой походный отряд казаков.

Сузёмки — глухой лес.

Сузёмок — лесная округа, признаваемая общей территория проживания группы людей.

Сулея, сулейка — плоская склянка, бутыль.

Туле тянне (*вепск.*) — иди сюда.

Филигрань (скань) — ювелирная техника ажурного плетения узоров из тонкой проволоки.

Фузея — заменившее мушкет солдатское ружьё.

Фунт — русская мера веса, равная 409,5 г.

Целовальник — по присяге целовавший крест представитель властей на местах.

Чудины — прозвание вепсов русскими соседями.

Чухари — самоназвание вепсов в районе Белозерья, чужь белоглазая.

Шелонник — юго-западный ветер.

Ярыга — низший государственный служащий, исполнявший полицейские функции.

Андрей Яковлевич ФАРУТИН

родился в 1957 г. в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского университета.

*Работал в периодических изданиях Карелии
и собственным корреспондентом московской*

«Независимой газеты».

Пишет стихи, прозу, публицистику.

Выпустил поэтический сборник «Источники света» (2007),

*книгу публицистики «Зерна рода: опыт самоидентификации
русского карела — славянина и финно-угра» (2012).*

Член Союза журналистов России с 1980 года.

Заслуженный журналист Республики Карелия.

